

РЕДЬЯРД КИПЛИНГ

СТИХОТВОРЕНИЯ

РЕДЪЯРД КИПЛИНГ

РЕДЬЯРД КИПЛИНГ

==
Стихотворения

==
Москва

=====
Издательство «Книга»

**ББК 84.4Англ.
К42**

**Составление, вступительная статья
д.ф.н. А. М. Зверева**

**Иллюстрации
П. В. Пивоварова**

**Макет
К. О. Остольского**

**К 4703010200-111 Без объявл.
002(01)-90**

ISBN S-212-00274-5

© Состав, вступительная статья. А. М. Зверев, 1990
Иллюстрации. П. В. Пивоваров, 1990

Против течения

Киплингу выпало пережить и славу, и равнодушие вчерашних почитателей, хуже того – их горькие и злые выпады по адресу обманувшего, несостоятельного кумира. В начале века ему поклонялись почти как оракулу, после первой мировой войны – поносили так, словно он больше всех был повинен в жестокой судьбе поколения, которое полегло под Верденом и на Марне.

Первым из англичан он удостоился в 1907 г. Нобелевской премии по литературе, и никого не удивил выбор шведских академиков. Куприн тогда же писал о Киплинге, что он «оригинален, как никто другой в современной литературе». Это было чуть ли не единодушное мнe-

ние. Кто бы подумал, что оно переменится так скоро!

Но пройдет всего два десятка лет, и Ричард Олдингтон на страницах «Смерти героя» развенчает поэта, который заставлял учащенно биться сердца стольких подростков во времена своих триумфов. Олдингтон процитирует заключительную строку знаменитой киплингвской «Заповеди»: «Тогда, мой сын, ты будешь Человек» с единственной целью прокомментировать ее от имени уцелевших, когда «пульсировали спазмами перерезанные артерии Европы». И его комментарий легко предугадуем: «Не научившись убивать, вы никак не можете стать человеком, а тем более – джентльменом».

В окопах герой Олдингтона, капитан, которого, оборвав его вопль «Ради бога, добейте меня! Добейте!», скосит пулеметная очередь, вспомнит колледж, своего директора, старавшегося «воспитать мужественных, бравых ребят». Там, в колледже, создали группу военного об-

учения, которой руководил старшина Браун. Школьникам прививали навыки, которые понадобятся, когда придет пора защитить Отечество, и главное – дисциплину. Вот ее-то и недоставало Джорджу Уинтерборну – «дис-ци-пли-ны. Он чересчур своеволен и независим».

А старшина Браун, старый служака, знал, что без дисциплины человек ничто, и вдальбивал ее с железной последовательностью. Он был несентиментален, этот Браун, он успел повоевать – с бурами, в Трансваале. Таким, как он, Киплинг посвятил замечательные стихи, которые украсили его сборник «Пять народов» (1903):

День-ночь-день-ночь – мы идем по
Африке,
День-ночь-день-ночь – все по той же
Африке
(Пыль-пыль-пыль-пыль – от шагающих
сапог!) –
Отпуска нет на войне!

Сам Киплинг тоже побывал на тех фронтах, писал репортажи, оправдывал все жестокости, чинимые англичанами, не говоря уж о политических целях войны. В своем Томми Аткинсе, безвестном рядовом колониальных войск, взвалившем на собственные плечи заботу о благополучии Империи, в пределах которой никогда не заходит солнце, Киплинг видел не меньше чем спасителя цивилизации. И воспевал его твердость, самоотверженность, чувство долга.

Он дружил с Сесилом Родсом, снискавшим печальную известность инициатора и апологета захватнической кампании на африканском Юге.

В той же книге «Пять народов» он перепечатал опубликованное пятью годами ранее «Бремя белого человека», свою декларацию, в которой он бросил вызов всем либеральным понятиям, считая пустословием рассуждения о гуманности к « народам на краю земли»:

Неси это гордое бремя –
    Воюй за чужой покой –
Заставь Болезнь отступить
    И Голоду рот закрой;
Но чем ты к успеху ближе,
    Тем лучше распознаешь
Языческую Нерадивость,
    Предательскую Ложь.

Потом, спасая репутацию Киплинга, его немногочисленные оставшиеся приверженцы пытались перетолковать эти стихи: в конце концов, автор ведь искренне верит, что английские штыки прогонят голод и болезнь, принесут в колонию разумный общественный порядок. Шаткость таких аргументов была слишком очевидной, и в ход пошли другие – поэта просто увлекла найденная им великолепная ритмика, а к объективному смыслу своих строк он и сам не относился серьезно. Однако все эти попытки оправдания ничуть не убеждали. Киплинга можно принимать или не принимать, но

нельзя — как каждого настоящего поэта — заменять выдуманной фигурой филантропа ли, эстетствующего сноба или любой иной.

Об этом в свое время со всей определенностью сказал Джордж Оруэлл. Он тоже, как почти все в его поколении, переболел Киплингом и, как большинство, изжил свое увлечение, соприкоснувшись с реальностью, конкретно — с буднями чиновника колониальной полиции в Бирме, где он после колледжа прослужил несколько лет. Его статья о Киплинге написана пером зрелого литератора, определившего свою позицию «демократического социалиста», которой Оруэлл останется верен при всех последующих перепадах общественной атмосферы. И как социалист он, разумеется, не может принять ни идеалов Киплинга, ни ценностей, которые тот защищал. Киплинг для него — литератор, с презрением отвергший все, что почиталось цивилизованным взглядом на вещи, доверявший

лишь силе, волевой собранности да умению терпеть в тягчайших обстоятельствах жизни. Он откровенно груб, его нравственная бесчувственность способна вызывать отвращение. И тем не менее это поэт, который зачаровывает и покоряет. Пусть не так властно, как во времена, когда его звезда ослепительной вспышкой зажглась на литературном небосклоне, но все равно неодолимо.

Тайну этой магии Оруэлл не объяснил. Зато, по крайней мере, сформулировал ту главную проблему, которую многие из писавших о Киплинге старались либо обойти, либо решить уж очень прямолинейно, в том духе, что киплинговский талант оказывался выше тенденциозных авторских идей и намерений. На самом деле такие объяснения только вносят лишнюю невнятицу, потому что у Киплинга нет серьезного противоречия между замыслом и воплощением. Конечно, если бы ему и впрямь удалось подчинить свое дарование чисто пропагандистским установкам,

к чему Киплинга склоняли – случилось, не без успеха – Родс и люди того же круга, о нем сегодня вряд ли вспоминали бы даже историки литературы. Когда рамки, им самим для себя поставленные, оказывались уж слишком тесны, Киплинг их ломал, быть может, сам того не замечая. Но при всем том как поэт он на редкость целен. Это, кстати, один из секретов его немеркнувшей притягательности вот уже для стольких читательских поколений.

* * *

Эта цельность поэтического мира и упругая плотность киплинговских звенящих строк оказались полной неожиданностью для читателей небольшой книжки «Баллады казармы», напечатанной в 1892 г. в Лондоне, а потом переиздававшейся десятки раз. Это была уже вторая книга Киплинга, а строго говоря, даже третья; стихи, которые он писал в школе, как-то попались на глаза его матери, и она, заплатив типографщику, выпусти-

ла их брошюрой, с полгода пылившейся в бомбейских киосках. Там же, в Бомбее, у себя на родине, Киплинг опубликовал «Песенки о службе» (1886), замеченные наиболее внимательными английскими рецензентами. И все же признание началось с «Баллад казармы».

Из написанного Киплингом-поэтом эти баллады по сей день наиболее известны и популярны. Дело не только в их художественных достоинствах. Для каждого читателя, с детства запомнившего Маугли, Рикки-Тикки-Тави и Кошку, которая гуляла сама по себе, существует определенный образ Киплинга, не суть важно, насколько точно соотносящийся с истинным. «Баллады казармы» отвечают этому образу почти идеально.

Меж тем ничего в строгом смысле автобиографического они не содержат. Как журналист, несколько лет проработавший в газетах Лахора и Аллахабада, Киплинг много поездил по Индостану, но самому ему не приходилось томиться

в карантине, когда вокруг бушует холера, ни сидеть на гауптвахте «за драку и пьяный дебош», ни форсировать коварные реки под градом неприятельских пуль, ни продираться через трупы, нахлестывая уставших мулов, которые из последних сил тащат по непролазной грязи полковые орудия. Впечатление абсолютной достоверности, оказавшееся самым сильным для читателей киплингских баллад, создано не жизненным опытом автора, а его искусством.

По сути же, достоверно в них только одно – безоговорочная приверженность Киплинга той жизни, которую он описывает, менее всего стараясь что-то в ней приукрасить или смягчить. Он не просто знает эту жизнь до мелочей, он ее любит и ее одну считает настоящей или, во всяком случае, достойной человека, не обделенного чувством долга и чести.

Это – непосредственный результат его индийского воспитания.

Его увезли из Бомбея шестилетним мальчиком в Саутси, где имелся пансион

для детей, чьи родители служили за морями, а вернулся он уже после колледжа и семь лет тянул лямку провинциального репортера. Сам он до конца дней считал свои ранние годы счастливейшей порой жизни и был уверен, что не сделался бы писателем, не сохранись воспоминания о них такими нестершимися даже десятилетия спустя. Киплинг и под старость мог без всяких усилий перенестись в давно для него ставший прошлым мир, где были «набухшая угрозой тьма тропических ночей, и голоса ветра в окутанных сумраком пальмовых ветвях», и прожаренные солнцем бомбейские улицы, и смуглые люди, которые часами сидят перед Башней молчания – святыней огнепоклонников-парсов. Киплингские мемуары и неоконченная повесть «Кое-что о себе самом» поражают почти графической отчетливостью каждого штриха, любой подробности. Не так много найдется художников, наделенных настолько острой эмоциональной памятью. И это прежде всего память об Индии.

Были в жизни Киплинга другие страны – Канада, Австралия, Египет, Бразилия, карибские «банановые республики». Обо всех них он писал, иной раз – целые книги. Но по-настоящему любил одну Индию, хотя последний раз съездил туда в 1891 году, еще до «Книг джунглей» и «Сказок просто так», ставших киплинговской классикой.

Конечно, это было совершенно особое чувство, органичное лишь для людей, которые, накрепко связав с колониями свою судьбу и прожив там с юности до седых волос, тем не менее всегда сознавали себя англичанами, приобщающими туземцев к цивилизации – когда добром, а когда и силой. Отец Киплинга руководил в Бомбее художественной школой – не чета миссионерам и коммерсантам, служащим и офицерам, составлявшим круг знакомых этой семьи. Те просто тяготились своей службой, впрочем, считая ее необходимой для Империи. Все в колониях выглядело для них

прившейся экзотикой, и только. Киплинг-старший умел замечать и другое — красочность, особый ритм и строй окружавшего его мира, его поэзию. Сыну он передал этот дар понимания богатств, лежащих рядом.

Но все же не эти домашние уроки были в становлении Киплинга самым главным. Важнее оказалась его рано выявившаяся способность распознавать неординарность того типа личности, который сложился здесь, в колониях, заявляя о себе и особым складом характера, и своеобразным взглядом на жизнь.

О чем бы ни писал Киплинг, он всегда говорит от имени человека, долго жившего среди культуры, которая так и осталась ему чужой, непризнанной им, а тем не менее прочно вросла в его собственное бытие. У этого человека свое представление об этических ценностях, своя философия существования. И Киплингу она дороже всех откровений кабинетной мысли.

Он хорошо знал таких людей. Отвыкшие чему бы то ни было удивляться, порядком задубевшие, они зато были наделены абсолютной трезвостью суждений, завидным хладнокровием и выдержкой. Более всего на свете им претили возвышенные иллюзии, велеречивая патетика, самонадеянность, фразерство; доверяя одним фактам, они не признавали теорий. А фактами для них были постоянные опасности, утраты, бессмысленные жертвы, невзгоды, вечное напряжение всех душевных сил, которого требовала действительность. Она испытывала личность в ситуациях, когда один неверный шаг мог привести к непоправимой катастрофе, и заставляла подавить малодушие, безволие, эгоизм, подчинив все помыслы понятию долга – перед товарищами и перед самим собой.

Для Киплинга, разумеется, это был и долг перед короной. Его преданность британскому знамени, развевающемуся за тысячи миль от родного острова, не-

скрываема, и она настолько расходилась с преобладавшими уже в его эпоху взглядами передовых кругов на феномен Империи, что оттенок однозности неизбежно сопутствовал даже его самым блистательным строфам и страницам. К такому неприятию Киплинг был готов. Он вообще шел против течения. Он не ощущал творческой или духовной близости ни к кому из тогдашних выдающихся английских поэтов, а к интеллектуалам относился с нескрываемой враждебностью.

Для этого конфликта было более чем достаточно причин. На рубеже веков либеральные верования еще не обнаружили своей уязвимости перед лицом неприкрашенной истории. Стойко держалась вера во всемогущество прогресса, который со временем разрешит все проблемы, мучающие человечество. Свой недолгий, но пышный расцвет переживал декаданс с его культом надмирной красоты, туманной ностальгией о царстве гармонии и жаждой мистических откры-

вений. Последним словом литературы был символизм, создавший поэтику тончайших образных ассоциаций, до предела усложненных метафор, изящно обыгрываемых мифологем.

Киплингу все это осталось бесконечно чуждым. Он оказался вроде провинциала, явившегося в столицы убежденным, что знает настоящую жизнь, и выяснившим, что его знание ни в чем не сходится с понятиями поклоняющихся «книжным заемым богам». Резкий выпад против них в его «Томлинсоне», получившей скандальную известность балладе, где Дьявол отказывается впустить изнеженного эстета в Ад, отправив его обратно на землю постигать азбучные истины, — это лишь самое красноречивое свидетельство несовместимости Киплинга с литературной средой его времени. А в сущности, вся его поэзия противостоит тогдашнему умонастроению, как и тогдашнему художественному вкусу.

Дело вовсе не сводилось к спору поборников прогресса с ретроградом,

всерьез верящим в миссию белого человека за тридевять земель от родного очага. Консервативные воззрения Киплинга, снискавшие ему нелестную кличку трубадура Империи, только для слишком явных недоброжелателей способны были целиком исчерпать содержание его творчества. Не принимавшие Киплинга отвергли в нем не фанатика обреченной идеи, а поэта, создавшего образ мира, совершенно не гармонизировавший с принятым и утвердившимся.

У Киплинга это мир, полный лишений и жестокостей, не ведающий жалости к себялюбивым и слабовольным, ко всем мечтающим «о легкой славе, дешевом лавровом венке». Жизнь, показанная Киплингом, беспредельно сурова, беспощадно груба. Но ее надлежит принять такой, как она есть, не сетуя, не сокрушаясь, а созидая самого себя, свою личность в согласии с реальными законами бытия.

Они покоробят охотников витийствовать о добре и благе, но для Киплинга

это законы в высшем смысле гуманные, потому что они воспитывают в человеке терпение, упорство и сознание своей нравственной правоты. Каждого они заставляют признать первой обязанностью честность перед собственной совестью, и никто из киплингских протагонистов не переступит черту, отделяющую необходимость от своекорыстия, не пожертвует ради выгоды и расчета чувством долга. Эти протагонисты тоже раз за разом идут против течения, отвергая абстрактные моральные нормы, потому что ощущают в них умозрительность, беспомощную перед лицом реального опыта.

Киплинг прекрасно понимал, что в литературных кругах его заветные мысли, его любимых героев воспримут чуть ли не как оскорбление вкуса и посягательство на высокие идеалы, но его это ничуть не поколебало. Напротив, в «Заповеди» он сам с предельной отчетливостью противопоставил свое кредо тем ценностям, которые тогда почитались бесспорными:

Владей собой среди толпы
    смятенной,
Тебя клянущей за смятение всех,
Верь сам в себя наперекор вселенной,
И маловерным отпусти их грех;
Пусть час не пробил, жди, не
    уставая,
Пусть лгут лжецы, не снисходи
    до них;
Умей прощать и не кажись, прощая,
Великодушной и мудрей других.

Противиться таким призывам оказывалось тем сложнее, что за ними постоянно чувствовалось знание истинной, а не выдуманной жизни. Теперь, почти столетие спустя, мы можем в полной мере оцепить прозорливость Куприна, который, восхищаясь Киплингом, все же заметил, что у него нет ни «вечности», ни «всечеловечества» и что он не «гений, родина которого мир», но «англичанин, только англичанин, и притом англичанин наших дней». Для самих же англичан, киплинговских читателей, в этом

поэте всего притягательнее было как раз постижение мира вдали от Англии, и прежде всего индийского. Такую Индию английские читатели увидели впервые. Все, о чем писал Киплинг, было для них внове и убеждало своей правдой.

В определенном смысле это на самом деле была правда, причем немислимо прямая и откровенная, если судить по меркам, обычным в тогдашней поэзии. Киплинг не выдумывал своих лирических сюжетов. Иногда они представляют собой обработку индийских преданий, но еще чаще заимствуются из солдатского фольклора или подсказаны непосредственным наблюдением. Колеса по Пенджабу, а впоследствии сопровождая английские экспедиционные войска в Судане или в Трансваале, Киплинг не раз ночевал в полковых палатках и в бараках ремонтников, чинивших разбитые артиллерией мосты, ел из ротного котла, дни напролет проводил в полевых лаза-

ретах. Он видел, как сжигают поселки, где вспыхнула чума, бывал в лепрозориях, привык к сухости во рту и звону в ушах от хины, которую приходилось глотать день за днем. В Индии он никогда не ощущал себя туристом. Он был работник и писал как работник, по собственному опыту зная, какая это страна.

В его поэзии все эти впечатления отозвались вызывающей приземленностью материала, намеренным обилием прозаизмов, сленга, просторечия, россыпью штрихов, которые казались уместнее не в стихах, а в газетном фельетоне, жесткостью ритма и постоянным тяготением к повествовательности, к фабуле, созданной прямым столкновением противоположных начал бытия, — чертами резко необычными и останавливавшими на себе внимание, даже если коренные для Киплинга верования оставались неприемлемыми в глазах его читателей.

Сохранилось много свидетельств того двойственного впечатления, которое оставляли эти стихи, и покоряя, и шокируя. Приведем одно, достаточно выразительное; оно принадлежит Герберту Уэлсу.

«В середине 90-х годов, – вспоминал он, – этот невысокий человек в очках, с усами и массивным подбородком, энергично жестикулирующий и, словно захваченный игрой подросток, что-то выкрикивающий в исступлении, славящий силу, упоенный простором Империи, ее красками, запахами, цветами, постигший суть и механику множества вещей, знавший все о солдатах и сделавший поэзией их жаргон, – стал воплощением духа нации. Удивительно, как он умел нас околдовывать, как заставлял накрепко запомнить свои пульсирующие строки, как склонял многих – и меня тоже, хотя без успеха, – подражать ему во всем. Сама наша речь благодаря ему приобрела какой-то особый оттенок».

Все это говорилось по поводу «Баллад казармы»; в дальнейшем стихи Киплинга уже не вызывали столь бурного отклика. Его слава продолжала упрочиваться, но скорее уже как прозаика — «Книги джунглей», «Ким», сказки завоевали Киплингу любовь миллионов читателей. Впрочем, он ведь и в прозе оставался поэтом. Стилистика его рассказов, их густая, вязкая метафоричность выдают привыкшее рифмовать перо.

Да и после своих самых знаменитых прозаических книг Киплинг продолжал писать стихи, хотя бы в качестве заставок к новеллам, эпиграфов к очеркам. В итоге получился очень большой поэтический том. Он вышел незадолго до смерти Киплинга и с тех пор не переиздавался. Вряд ли особенно и заслуживал воспроизведения. Поздние киплинговские стихи за нечастым исключением иллюстративны и схематичны. В них ослаблено лирическое начало и слишком подчеркнуты элементы аллегории, как правило,

основанной на библейских притчах. Они не удивят ни творческой смелостью, ни богатством неожиданных приемов, ни безукоризненностью отделки.

Киплинг старел и становился все консервативнее, упорствуя в своем расхождении с эпохой. Этот консерватизм передался даже его стиху, не говоря об авторских намерениях.

Составляя томик его «Избранного», давно сделавшийся общепризнанной классикой, литературные душеприказчики Киплинга выбрали из стихов, главным образом, те, которые печатались на рубеже веков – индийские и морские баллады, маленькие сатирические поэмы, эпитафии и, разумеется, стихотворения о войне. Этим последним Киплинг прежде всего обязан своим местом в мировой лирике XX века, которого давно уже никто не отрицает.

Особенности его поэтического видения стали определяться очень рано, собственно, уже в «Песенках о службе»,

первой, еще во многом ученической книге. Они сохраняются на всем протяжении творчества Киплинга.

Ему с самого начала было свойственно тяготение к драматической ситуации, которую Киплинг всегда предпочитал чистому лиризму. Любовь к балладе, уже ставшей к тому времени старомодным жанром, естественна у Киплинга. Он ведь избегает психологических нюансов, ему важны кульминационные моменты, когда человек виден весь, до самого дна. Его привлекает крупный план, обобщенность, а баллада для таких целей приспособлена всего лучше.

Отвергая с порога современную ему поэзию, Киплинг отверг и свойственный ей дух интроспекции. На ее место у Киплинга явилось почти плакатное изображение какого-то одного главенствующего переживания, одной всепоглощающей страсти. Его мало интересует индивидуальное. Он поэт родового, всеобщего, типичного до такой степени, когда вообще

исчезают неповторимые, сугубо личные оттенки и остается лишь состояние как таковое: восторг или бессилие, психологический надлом, ожесточенность в бою, предельное напряжение духа в минуту смертельной опасности. В балладах и стихах о войне эти творческие пристрастия Киплинга различимы всего яснее.

Для его современников они представляли данью архаике. Мы бы скорее признали подобную поэтику предвосхищением будущего. Киплинг очень многое угадал и в последующем опыте XX века, когда личность все более обесцвечивалась, оказываясь психологически стандартизированной до одномерности, и в движении самой поэзии. У него, например, немало общего с Брехтом, столь ему далеким по своим воззрениям. Киплингское влияние ощутили многие советские поэты в 20-е и 30-е годы.

Сам Киплинг наверняка открестился бы от подобного родства. Но есть логика развития художественных идей. И она

не считается ни с чьими субъективными побуждениями. Открытое Киплингом прочно вошло в поэтический арсенал, и сегодня это очевидно всем – хотя бы оттого, что слишком много подражателей, пусть они не всегда признают Киплинга своим наставником.

Его открытия – это не только новые темы и новый поэтический язык, это прежде всего доказанная им возможность добиться в поэзии той «немыслимой простоты», о которой потом мечтали мастера, в отличие от него самого в полной мере изведавшие искус сложности и затрудненности на грани герметизма.

Эта простота буквально ошеломила первых киплинговских читателей. Все у Киплинга казалось им до примитивности ясным, но в то же время представляло ослепительно и пьяняще незнакомым. Пленяла его Индия, необыкновенно разноликая: дивные храмы, непролазные леса, взбухшие от дождей реки, безлюдье пустынь, роскошество дворцов. Пленял

и чеканный ритм строки, словно самим ее звучанием был донесен мерный, тяжелый шаг воинских колонн, которые возвращаются с поля боя, оставив его на разграбление гиенам.

Какой-то тайной веяло от переключки экзотических имен, пересыпавших эти строки: Пешавар, Эр-Хеб, А-Сафай, неведомая волшебная страна. Но более всего остального Киплинг потрясал своими образами. Они были удивительно безыскусны и всегда точны до предела. Эта поэзия не знала и не допускала ни малейшей приблизительности.

Если в ней описывался холерный лагерь, несколько подробностей, переворачивающих душу, сразу заставят увидеть холерный лагерь, и ничто другое. А уж после этого возникнет аллегорический образ смерти, не ведающей пощады.

И если Киплинг рассказывает о фронтовых дорогах, прежде всего почувствуешь, физически ощутишь висящую над ними душным облаком пыль: она толс-

тым слоем покрыла сапоги, она забивается глубоко в потную кожу. Все другие смыслы, таящиеся в поэтической метафоре, раскроются потом, когда читатель проникнется сознанием, что он сам шагает по этой бесконечной дороге. Вот тогда возникнет образ, в котором нерасторжимо соединено многое: голод, и жажда, и страшная усталость на мучительном этом пути, и безумие, которое перестали замечать, отупев от таких будней.

До Киплинга поэзия не допускала подобной конкретности изображения и поэтому не могла создать настолько сильного эффекта присутствия, сразу располагающего читателей верить в ней каждому слову.

Напротив, поэзия как раз стремилась создать совершенно условный мир. Она изобиловала символами, иносказаниями, зашифрованными смыслами, открывающимися лишь в прихотливой игре метафор. Обилие реминисценций, поэтика намеков – во времена Киплинга это считалось

эстетической нормой. Многих явлений жизни поэты не касались никогда, полагая, что они слишком банальны и невыразительны.

Киплинг покончил с такими запретами раз и навсегда. Сейчас нам странно думать, что они вообще существовали. Но в те дни нужна была отчаянная творческая смелость, чтобы написать хотя бы такое вот стихотворное наставление новобранцам:

Если сволочь сержант до точки довел,
Не ворчи, как баба, не злись, как осел,
Будь любезным и ловким, — и вот ты
нашел,
Что наше спасенье в терпенье, солдат,
В терпенье, в терпенье, в терпенье,
солдат королевы!

Сейчас нам кажется только естественным, что стихи звучат как обычная человеческая речь и что в них отражены чувства, многим читателям Киплинга знакомые не из книг, а из жизни: страх, когда приходится подниматься в атаку

под шквальным огнем, и тоска, накатывающая посреди джунглей, где на каждом шагу притаилась угроза, и горечь обманутой мечты о романтике, которая обернулась лишь изматывающими маршбросками по степному бездорожью, бессмысленной гибелью друзей да воем шакалов, за полночь подкравшихся к солдатским палаткам.

Но Киплингу приходилось идти наперекор тогдашним представлениям, чтобы обо всем этом сказать с прямой человека, делившего такую судьбу, пока он сам служил в колониях. Знающего, чем живут, что день за днем испытывают, какими заботами тяготеют незаметные люди в гимнастерках, давно приученные и к смерти, и к жестокостям, и к лишениям, которые стали для них повседневностью:

На черта Кабул нам нужен?..

Саблю вон, труби поход!..

Трудно жить без тех, с кем дружен, —

Знал, что взять, проклятый брод.

Брод, брод, брод через Кабул.
Брод через Кабул и темнота.
О Господь, не дай споткнуться,
слишком просто захлебнуться
Здесь, где брод через Кабул и тем-
нота.

Он и писал от имени рядовых, тех, кто десятки раз, увертываясь от пуль, переходил вброд афганские, бирманские, суданские речки, о которых слыхом не слыхивали там, в Англии. Тех, кто на своей шкуре вынес нечеловеческое напряжение, которым оплачивается британское владычество — тогда еще над четвертью земных пространств.

Эта демократичность взгляда — из солдатской шеренги, а не с командного поста — была его бесспорной творческой победой.

Киплинг доверял только людям, не понаслышке знавшим, что истинно, а что иллюзорно и какова настоящая цена всем вещам в мире. Его нелюбовь ко все-

му абстрактному вполне осозанна. Это его принцип, понятный, если считаться с позицией Киплинга – общественной и литературной.

Почувствовать эту нелюбовь можно даже в аллегорических балладах, хотя сам этот жанр едва ли не в обязательном порядке требует сказочности и воображения, не оглядывающегося на будничность. Но Киплинга интересовали преимущественно ситуации, взятые прямо из жизни. Они позволяли ему выразить свое понимание ценностей неподдельных и призрачных. Всегда это оказывалось такое понимание, каким мог обладать лишь человек, прошедший суровую жизненную школу.

Обратимся к прославленной «Мэри Глостер». Там умирает старый морской волк, этакий современный конкистадор, своей неумной энергией, упрямством и жесткой хваткой сумевший сколотить огромное состояние. И, умирая, признает не более чем суетой все, чего сумел достичь.

Потому что все это оказалось ненужным, пустым – миллионы не возьмешь с собой на тот свет, и мысль о мраморном мавзолее над могилой не утешает.

Но у него все-таки была хотя всего лишь одна, зато настоящая любовь. И было в его жизни море, которому он на свой лад оставался предан, как ни поработила сэра Глостера погоня за титулами и за престижем.

А рядом с ним сын, выхолненный недочка, своей поверхностной книжной ученостью пытающийся заменить то, что ничем не заменимо, – знание жизни из первых рук и железную волю, помогающую выстоять в любой беде. Он уже ничего не создаст в мире; дух увял в нем, не родившись, и осталось одно жеманство, прикрывающее бледную немочь, измельчание, нравственную нищету.

У Киплинга и впоследствии будут часто появляться подобные пары персонажей, по контрасту оттеняющие друг друга. Для него это была исключительно

важная тема. Много раз упрекали его за очень одностороннее отношение к хранителям и носителям культуры, посвятившим ей себя без остатка, за злые насмешки над холодным интеллектом, никогда не подвергавшимся испытанию настоящим делом. Это не напрасные упреки. Но правда отчасти была и на стороне Киплинга.

Он с юности проникся убеждением, что бесполезны все истины, не прошедшие проверки в условиях, которые были привычны ему самому, служащему колониальной администрации, каждый день сталкивавшемуся с примерами низости и коварства, отваги и самоотверженности, — словно люди, принадлежавшие к одному и тому же кругу, вылеплены из разного теста. И он верил, что нельзя теоретизировать, не удостоверившись на собственном опыте, до чего сложна, неоднородна человеческая природа. Испытание делом — вот лейтмотив всего написанного Киплингом. Лишь в подобном

испытании, выяснится правда о человеке. И подтвердится непреложный закон: нельзя безнаказанно изменять тому лучшему, что заложено в каждом.

Искатель житейских выгод, обольщенный приманками карьеры, для Киплинга был недостойн зваться личностью. Фортуна благоволила к таким людям, порой вознося их на головокружительную высоту. А Киплинг о всех них непременно отзывался с презрением и ядом. Например, о политике, который годами засорял головы доверчивых простаков своей высокопарной трескотней, сам в нее не веря ни минуты:

Встретив всех, кого убил, всех, кто мной
обманут был,
Я спрошу у них, у мертвых, — бьют ли на
том свете морду
Нам — лжецам?

Или о проходимцах, толпами хлынувших в колонии грабить, спекулировать, обогащаться, пока другие заходились

предсмертным хрипом по холерным лагерьям, да еще оправдывавшихся, что так вы люди от самого своего сотворения:

Тот, кто первый в их роду
Мамонта убил на льду,
    Стал хозяином звериных троп.
Он украл чужой челнок,
Он сожрал чужой чеснок,
    Умер – и зацапал лучший гроб.

Или о трусах, которые последними поднимаются из окопа, зато раньше всех поспевают к раздаче наград. О чистоплюях, о демагогах, любителях поговорить про человечность, ровным счетом ничего не делая, чтобы ее защитить. О считающих обиды, когда надо броситься на выручку попавшим в беду, о болтунах, похваляющихся подвигами, которых никогда не совершали, о фанфаронах, сникших при первом же залпе.

Суждения Киплинга называли прямолинейными, и они действительно жестки, но это необходимая прямота. Он

полагал, что она нужна, чтобы воспитать образцовых солдат Империи, однако смысл его стихов оказался бесконечно шире, чем эта убогая прикладная задача. Ведь по существу речь шла в них о том, что можно назвать назначением человека на земле. Кто-то его видит в умении добиться для себя благополучия, не считаясь ни с какими требованиями чести. Но есть и другие. Они не унижутся до подобного себялюбия и всем пожертвуют, если так велит нравственное чувство.

Киплинг всегда на стороне этих других.

Вот отчего он – вспоминая высказывание Оруэлла – сохранял магию, вопреки всей узости своих взглядов.

При всей внешней аргументированности оказались бесконечно плоскими упреки в том, что он поэт казармы, больше всего на свете обожающий безукоризненную армейскую выправку, стройные ряды марширующих на параде полков и высоко режущее над ними победонос-

ное английское знамя. Частица правды была в постоянных суждениях о Киплинге как певце агрессии, не задумывающемся о справедливости, о праве, о национальной гордости поработенных. Но случается, что истина, когда она подается нецелостно, хуже обыкновенной лжи.

С Киплингом случилось именно так. Писавшие о нем английские критики замечали слабости, но не захотели увидеть и оценить главного. А главное – это высокая романтика идеала, живущего в стихах Киплинга. Строгая его требовательность к человеку. Неверие в иллюзии и высокие слова. Поэзия братства всех, кто сохранил гуманность и честь в нелегких поисках собственного пути в жизни.

Киплинга изображали высокомерным европейцем, с брезгливостью наблюдающим дикие нравы туземцев. Тысячи раз цитировали строку, ставшую чем-то вроде его визитной карточки: «Запад есть Запад, Восток есть Восток, не встретиться им никогда», – и делали вид, что

Киплингу была присуща спесь обывателя, неспособного что бы то ни было оценить за пределами собственного мирка. О том, что говорится дальше в первой строфе «Баллады о Востоке и Западе», вспоминали редко. А ведь там выражена одна из выношенных мыслей Киплинга, и уже ее достаточно, чтобы прекратились разговоры о его презрении к другим народам, другим культурам:

Но нет Востока, и Запада нет, если
двое сильных мужчин,
Рожденных в разных концах земли,
сошлись один на один.

Сколько было сказано о киплинговской воинственности, о безразличии к гибели тех, кто на своих плечах тащит жестокую ношу фронтовых будней! И все это неправда. Сопровождая как корреспондент многие боевые экспедиции, Киплинг понимал мысли и чувства солдата, как никто до него, — во всяком случае, из английских писателей. Безразличие? Но

перечитаем тот же «Брод через Кабул».
Или «Новобранцев»:

Если ты под огнем удрать захотел,
Глаза оторви от лежащих тел
И будь счастлив, что ты еще жив и цел...

Или стихи о тех, кто по своей воле пропадает без вести, не выдержав беспрерывного солдатского ада. Дезертир должен был внушать Киплингу отвращение, потому что слишком уж не вписывался в его представления о достоинстве. Но Киплинг был прежде всего художник, умевший не просто с достоверностью описывать, а сам проникаться настроениями тех, о ком писал. И как бы ни старался он превратить свою поэзию в славословие доблести, фальшь таких гимнов он чувствовал совершенно отчетливо, не прощая их ни другим, ни себе. Задумывалась героическая поэма, а выходили стихи о людях, которые дошли до крайней черты, до изнеможения и физического, и духовного, когда остается

единственное желание – бежать, чтобы выжить, если повезет. Сбросить рваную форму, разыграть собственную гибель, скрыться, не задумываясь ни о рискованности таких затей, ни о том, что ждет дальше:

Мы будем в джунглях ждать до
темноты –
Пока на перекличке подтвердят,
Что мы убиты, стало быть, чисты;
Потом пойдем, куда глаза глядят.

Хотя в принципе Киплинг не прощал своим героям слабости и не признавал их оправданий. Да они в оправданиях особенно и не нуждались. Они ведь сами выбрали такую участь. Считали, что это лучше, чем коптить небо в своем невзрачном городишке, ни разу всерьез не испытав, а значит, и не познав себя.

Колониальные войска – это для них возможность соприкоснуться с реальностью в ее грубой истине. Единственная возможность за целую жизнь.

А кроме того, их неодолимо манит к себе далекий экзотический мир. До Киплинга английская поэзия не ведала подобной географической широты: от Бирмы до Канады. Но дело не в географии; ведь если метафоры шаблонны, а мысли избиты, даже очень изысканный географический фон не поправит дела. Впрочем, Киплинга оставляли равнодушным такие понятия, как фон, декорация, колорит. Он был не из тех, кто яркой экзотикой оформления пытался скрыть скудость фантазии. В таких случаях получался орнамент. Киплингу требовался не орнамент, а заверченный в себе мир.

В этом мире у Киплинга все плотно пригнано друг к другу, нерасторжимо соединено – краски, и звуки, и голоса, обычаи и поверья, легенды, ритуалы и традиции, формы человеческих отношений, предания старины, ритмы современности. Киплинг добивался подобного единства в каждом стихотворении и каждой балладе, зная, что все решает умение

безошибочно улавливать особый облик страны, дух ее народа. Эта способность развита у Киплинга необычайно. Как и искусство небанального штриха, который заставляет ожить всю картину. Такие точные подробности мог подметить только глаз художника, не понаслышке знающего изображаемую действительность. Изучившего ее вдоль и поперек. Принявшего как нечто глубоко себе родственное уклад жизни, у других вызывавший разве что любопытство, смешанное с недоумением.

Картины, созданные Киплингом, остаются неповторимыми, сколько бы и до него, и после ни писалось стихов на индийские мотивы или баллад о чудесах тропиков.

По-настоящему открыл Индию для английской поэзии, конечно, он. Не в том смысле, что изобразил ее впервые достоверно. Фактами доказано, что на самом деле легенды в его стихах не меньше, чем истины. Но ведь к фактологичес-

кой точности он и не стремился. Он сотворял собственную реальность, дав простор воображению. Факт и вымысел связаны у него крепчайшим внутренним ладом.

Весь эффект в том, что, читая Киплинга, мы часто и не замечаем, где кончается одно и начинается другое. Увиденное, пережитое им самим сплетается с выдумкой настолько тонкими и прочными нитями, что точку перехода обнаружить почти невозможно. Киплинг был романтиком, но таким, который не позволял себе воспарять над реальностью, словно не замечая ее будничного лица. Он был реалистом, которого, однако, никто не убедил бы, что романтика устарева и смешна.

В соединении романтики и правды тайна обаяния его стихов с их волшебной гармонией акварельных красок и резких контрастных стыков, с их непременной музыкальностью и емкостью образов, таких простых, но завораживающих своей магией.

О его жизни можно сказать буквально в нескольких фразах: родился в 1865 году в Бомбее, умер в 1936-м в крохотном городке воспетого им Сассекса, где замкнуто провел последние три десятка лет. Из современных ему литераторов почти ни с кем не встречался и ни с кем не дружил. Всерьез верил в свою идею Англосаксонского пакта, убеждая американцев, что в союзе с Британией они могут и обязаны нести бремя спасения цивилизации от натиска всевозможных варваров — на Востоке ли, в Африке или в Европе. Осмеянный печатно и не раз публично оскорбленный, Киплинг не отступал от этой вышедшей из моды имперской ортодоксии до самого конца своих дней.

В 1915 году на фронте во Франции погиб его сын — от этого удара Киплинг так и не смог оправиться. Привыкнув к яростным нападкам критики, особенно усилившимся после первой мировой войны, хранил презрительное молчание, ког-

да его винили в крайней реакционности и обличали в творческом упадке. Под старость написал несколько замечательных книг путевых очерков; современники не смогли и не захотели их оценить.

Его уделом — с годами это становилось все яснее — было одиночество, и он нес свой жребий с терпением и выдержкой, достойными лучших его героев.

Время вознаградило его за эту выдержку, сделав поэзию Киплинга бессмертной.

А. Зверев

Вступление к «Песенкам о службе»

Я ел ваши хлеб и соль.
Воду вашу и водку пил.
Ваша гибель была моя боль.
Вашей жизнью – мою купил.

Я делил с вами все подряд –
Ваши бури, борьбу, пиры.
Там, где рай и ад, я вам был как брат –
За морями сии миры.

Я писал сказку ваших дней,
Горечь правды вкусив сперва.
Я писал о ней – но она страшней
И важней, чем мои слова.

Общий итог

Далеко ушли едва ли
Мы от тех, что попирали
    Пяткой ледниковые холмы.
Тот, кто лучший лук носил, —
Всех других поработил,
    Точно так же, как сегодня мы.
Тот, кто первый в их роду
Мамонта убил на льду,
    Стал хозяином звериных троп.
Он украл чужой челнок,
Он сожрал чужой чеснок,
    Умер — и зацапал лучший гроб.
А когда какой-то гость
Изукрасил резьбой кость, —
    Эту кость у гостя выкрал он,
Отдал вице-королю,
И король сказал: «Хвалю!»
    Был уже тогда такой закон.
Как у нас — все шито-крыто,
Жулики и фавориты

Ели из казенного корыта.
И секрет, что был зарыт
У подножья пирамид,
Только в том и состоит,
Что подрядчик, хотя он
Уважал весьма закон,
Облегчил Хеопса на мильон.
А Иосиф тоже был
Жуликом по мере сил.
Зря, что ль, провиантом ведал он?
Так что все, что я спою
Вам про Индию мою,
Тыщу лет не удивляет никого, —
Так уж сделан человек.
Ныне, присно и вовек
Царствует над миром воровство.

Галерный раб

Хороша была галера и хорош штурвал
резной,
И серебряная дева украшала нос стальной;

Пусть цепи терли ноги, пусть дышать было
трудно нам, —
Но другой такой галеры не найти по всем
морям.

Трещал наш трюм от хлопка, мы и золото
везли.
Мы торговали неграми со всех концов земли!
Кипела пена следом, и акула рядом гналась,
Но гребли мы, и галера птицей по морю
неслась.

Было славно на галере, пировали мы подчас,
И, как люди, мы любили, хоть они терзали нас!
И, гоня в морях галеру, урывали счастья миг, —
Поцелуя не мрачил нам умирающего крик.

И с нами жены, дети в трюмной тьме
губили дни, —
Бросали их акулам, когда умирали они.
Стрелой летит галера, и не плакать по
мертвецам,
А завидовать им только хватало времени нам.

Друзья, мы были шайкою отчаянных людей, —
Мы были слугами весел, но владыками морей!

Мы вели галеру нашу напрямик средь бурь
и тьмы,
Воин, дева, бог иль дьявол, – ну, кого
боялись мы?!

L'envoi¹

Сгинул дым над алтарями
Нашим чаяньям вослед,
А Богини – нет во храме;
Нет ее, простыл и след.

Нет – и значит проку нет
В тяжких жертвах дни за днями.

«Пуст ковчег, – идет слушок,
Непристойный и преступный,
Как злокозненный смехок, –
Пуст; Богиня неприступна;
И в закланьях – запах трупный,
Отвратительный душок!»

---

¹ Послание (фр.).

«Но как знать, – скажу вам, други,
В безнадежной тишине, –
Мало ль демонов в округе,
Мало ль бесов на войне,
Выручающих вполне
Там, где чтим Ее заслуги!»

Изгои

За темные делишки,
За то, о чем молчок,
За хитрые мыслишки,
Что нам пошли не впрок,
Мишенью нас избрали
Параграфы статей –
И поманили дали
Свободою своей.

Нет, нас не провожали,
Не плакали вослед;
Мы смылись, мы бежали –
Мы заметали след

От наших злодеяний,
А проще – наших бед.
За нами – каталажка,
Пред нами – целый свет.

Ограбленные вдовы
И сироты купцов
За нами бестолково
По свету шлют гонцов;
Мы рыщем в океане,
Они – на берегу.
И это христиане,
Простившие врагу!
Но в досталь, слава богу,
На свете славных мест,
Куда забыл дорогу
Наш ордер на арест;
Но есть архипелаги,
Где люди нарасхват,
А мертвые бумаги
Туда не допылят.

Там полдень – час покоя,
Там ласков океан;

Дворцовые покои,
И в них журчит фонтан.
Никто здесь не посмеет
Прервать полдневный сон,
Покуда не повеет
Прохладой из окон.

Природа – загляденье,
Погода – первый сорт,
И райских птичек пенье,
И океанский порт,
И праздник, оттого что
Раз в месяц круглый год
Привозит нашу почту
Британский пароход.
Мы поджидаем в баре
Прибывших бедолаг –
Не чопорные баре,
Но парни самый смак.
Мы важно тянем виски
И с помом, и с самим,
Но на борт – он английский! –
К ним в гости не спешим.

А ночью незаконно
Мы в Англии своей –
С князьями Альбиона
Знакомим дочерей,
И приглашают лорды
На танец наших жен,
Мы сами смотрим гордо,
Покуда... смотрим сон.

О боже! Хоть понюшку
Нам Англии отсыпь –
Ту грязную речушку,
Ту лондонскую хлипь,
Задворки, закоулки
И ключья тощих нив...
А как там Лорд-Уорден?
А как там наш Пролив?

Посвящение к «Казарменным балладам»

Во внешней, запретной для солнца тьме,
в беззвездье пустого эфира,
Куда и комета не забредет, во мраке
мерцающая сирота,
Живут мореходы, титаны, борцы –
создатели нашего мира.

Навек от людской гордыни мирской они
отреклись, умирая:
Пируют в раю они с Девятью Богинями
щедрого края,
Свободны любить и славу трубить святому
Властителю Рая.

Им право дано спускаться на дно,
кипящее дно преисподней,
Где царь – Азраил, где злость затаил
шайтан против рати господней,

На рыжей звезде вольно им везде летать
серафимов свободней.

Веселье земли они обрели, презрев ее
норов исконный,

Им радостен труд, оконченный труд
и Божьи простые законы:

Соблазн сатанинский освищет, смеясь, в том во-
инстве пеший и конный.

Всевышний нередко спускается к ним, Наставник
счастливых ремесел,

Поведать, где новый Он создал Эдем, где на
небо звезды забросил:

Стоят перед Господом и ни один от страха не
обезголосел.

Ни Страсть, ни Страданье, ни Алчность, ни
стыд их не запятнают веки,

В сердцах человечьих читают они, пред славой
богов — человеки!

К ним брат мой вчера поднялся с одра, едва я
закрыл ему веки.

Бороться с гордыней ему не пришлось: людей
не встречалось мне кротче.

Он дольную грязь стряхнул, покорясь Твоим
повелениям, Отче!

Прошел во весь рост, уверен и прост, каким его
вылепил Зодчий.

Из рук исполинских он чашу приял, заглавного
места достоин, —

За длинным столом блистает челом еще один
Праведник-Воин.

Свой труд завершив, он и Смерти в глаза
смотрел, беспредельно спокоен.

Во внешней, запретной для звезд вышине, в
пустыне немого эфира,

Куда и комета не долетит, в пространствах
блуждая сиром,

Мой брат восседает средь равных ему и славит
Владыку мира.

Секстина Великого бродяги

Сказать по правде, все, какие есть,
Счастливые дороги на земле
Я истоптал. А их ведь тьма, дорог!
Под одеялом чем потеть весь день,
Так лучше походить да поглядеть,
Покуда смерть-собака не взяла.

Живи, покуда яма не взяла,
Бродяжничай, покамест силы есть.
Не любопытно разве поглядеть
На то, как любят люди на земле,
И радоваться жизни каждый день,
И врать себе, что нет плохих дорог?

Давать и брать – к любой из двух дорог
Привыкни, а иначе смерть взяла!
Жизнь вытяни одним глотком, как день,
Не жалуйся – все принимай как есть!
Не спрашивай, что можно на земле.
Хватай себе – раз любо. Что глядеть?

В дороге надо только приглядеть,
Где подработать для других дорог.
Трудяге всюду место на земле,
А неумеху лучше б смерть взяла!
Но ведь не век же вкалывать да есть,
Не на одно лицо всяк божий день!

Переработалась хотя бы день –
И уж не хочешь на людей глядеть.
И воду пить, и хлеб противно есть,
Пока не бросишь места для дорог.
Но вот огни на доках ночь взяла
И ветер брат мне... Сладко на земле!

Жизнь – книга, и пока ты на земле,
Читай ее без отдыха весь день.
Но чую вдруг – тоска меня взяла
И на страницу тошно мне глядеть.
Других страниц хочу, других дорог –
Листай их, брат, куда силы есть!

Бог дал земле такое – рай глядеть!
Стань каждый день мой гимном в честь
дорог –
Смерть не взяла пока и силы есть.

СИОН

Привратники Сиона
    Не вечно на часах
Стоят в броне и шлемах
    С оружием в руках,
Но в святости Сиона
    Уверены в полне, —
Сидят у стен Сиона
Или у стен Сиона
    Смеются в полусне.

А стражники Ваала
    Страшатся встать и сесть,
И рвут они, и мечут,
    Затаивая месть,
Жгут жертвы в честь Ваала,
    Глухого божества;
И жаждет страж Ваала,
И страждет страж Ваала,
И песни в честь Ваала
    Звучат без торжества.

Дойдем же до Сиона
    За совесть, не за страх,
Возьмем друзей с собою
    И наших мертвых прах.
Два дружества Сиона
    Велят свободным нам
Сесть и поесть в Сионе,
Встать и поднять в Сионе
    Бокал вина к губам.

Жена Моря

Живет у Северных ворот
    Прещедрая жена:
Всех сыновей, что родила,
    В дар Морю шлет она.

Они уснут на дне морей
    Иль в травах берегов,
И слово возвратится к ней:
    «Давай еще сынов!»

Есть у нее очаг и скарб,
Сад, поле, огород,
Но только в белые поля
Она мальчишек шлет.

Летит их деревянный конь
По борозде сырой,
И, разоренные дотла,
Они придут домой –

И матери не принесут
Ни зернышка с полей,
Зато потрутся меж людьми,
Познавшими л ю д е й, –

Людьми, что жили широко,
Не опускали глаз
И книгу смерти перечли
В кругу друзей не раз.

Чудес увидели они
Считать не сосчитать,

А деньги все, что сберегли,
Пришлось за долг отдать.

Но все, чем жизнь была красна,
Чем радостна душа,
Они расскажут ей, в золе
Поленья вороша.

Все ветры к ней приходят в дом,
Очаг ее раздуть:
В приливный час, в отливный час
Сыны уходят в путь,

Уходят, радостью горя
Опасность повстречать,
Приходят, чтобы у огня
Спокойно помечтать:

Кто днем, кто в ночь, кто на заре
Воротится назад.
Ей кажется, что башмаки
По крыше тарахтят.

И даже мертвые придут
    Всем гибелям назло,
Чтоб Моря добрая жена
    Взяла их под крыло.

Гефсиманский сад

Была как Гефсиманский сад
    Пикардия для нас.
И провожал нас каждый взгляд
    На гибель каждый час.
На гибель нас, на гибель нас —
    Хоть каждый выжить рад.
И заползал под маски газ
    Там, где кончался сад.

Светился Гефсиманский сад
    Сияньем женских глаз.
Но чаша близилась для нас —
    И меркнул женский взгляд.

Да минет нас, да минет нас
Она на этот раз.
Помилуй, Боже, упаси –
И мимо пронеси.

Он не пронес, он не упас,
Не спас любимых чад!
Был в чаше смертоносный газ
Там, где кончался сад.

Песня банджо

С фортепьяно и полмили не пройти,
Скрипка сырости не терпит – пропадёт.
И орган по Нилу вверх не провезти,
Чтобы в тропиках звучал он средь болот.
Ну а я качаюсь в ранце за спиной,
Сжато кофе и беконом с двух сторон.
И когда отряд ползёт как неживой,
Слышен тотчас подгоняющий мой звон.

Мерным:

«Пилли-вилли-винки-вилли-ват!»

(Вот какую я мелодию тяну!)

Я ряды свои прошу сомкнуть солдат,
И напиться, и готовиться ко сну.

Перед боем, в час молитвы, до зари,
Чтобы как-то поддержать размякший дух,
Раздаётся вдруг моё: «Парам-пари» –
Объяснение, всем понятное на слух.
Я – Абсурдности Несбыточной Пророк,
Невозможности, Какой Никто Не Ждёт,
Но когда ей наступить приходит срок,
Перестраиваюсь я, и вновь – в поход.

Здесь, в пустыне

«Тампа-тампа-тампа-тамп!»,

Где кизячный дым курится над
костром,

В первозданной тишине ожил вдруг
тамтам во мне:

Я твой; Белый Человек, победный
гром!

Непростым путём проходит Младший Сын,
Прежде чем обзаведётся домом о н , –
Одиночество, пастушество, овин,
Собутьльников-стригальщиков загон.
На бадейке перевёрнутой, в тиши
То пою, что от себя он отгонял:
Я – Прошедшее, я – Город, Боль Души!
Я – минувших дней оживший карнавал!

Этим «Танка-танка-танка-танка-танк!»
(Видишь Лондона сиянье пред
собой?)

Я сейчас хочу опять Дух и Плоть солдат
пронять,
И уставший полк свести в мечтах
домой.

Чтобы чудо отыскать среди морей,
В новом городе, где южный зной и гам,
Взял меня с собою юный Одиссей
К незнакомым и далёким берегам.
Небесами и морями он пленён.
Он в ловушке, и не вырваться назад.

Буду петь ему, пока со мною он,
Как от ветра реи с мачтами скрипят.

Слушай, «Хайя! Хейя! Хейя! Халла!
Хал!»

(О, зелёный вал, что по обшивке
бьёт!),

Ты устал от городов? Помолись, и будь
здоров...

Словом: «Взял мешок свой, Джонни,
и – вперёд!»

По ущелью, где и днём видна звезда, –
Вверх по тропке, утонувшей в облаках, –
Обогнув обрыв, ведущий в никуда, –
Вниз, к долине, на визжащих тормозах,
Где мосты в снегу трясутся и скрипят,
Где террасы выются кругом по горам,
Я веду моих отчаянных ребят,
«Песнь Роланда» обращающих к ветвям.

Громким «Тонка-тунка-тонка-тунка-
тут!»

(О, топор, торящий путь сквозь
бурелом!)

Мы ведём стальных коней – пускай
попьют –
По каньонам к водам Запада ведём!

Мой напев – опора тем, кто о д и н о к , –
Если прост он, нос от слёз распухнет в миг,
Ну, а груб – так вырвет вздох или смешок:
Может в сердце он открыть любой тайник.
Он – и праздник, он – и шутка, и каприз,
Он – обман и хмель, безумье и экстаз,
Он – счастливый за работу вашу приз,
Он влезает в мысль, что жжёт железом вас.

Знайте,
«Планка-ланка-ланка-ланка-ланк!»
Наслаждения не стоят ничего.
Ум, что вас к победам гнал, нынче грех
свой осознал.
А раскаяние – тяжелей всего!

Пусть орган возносит стон под гулкий свод –
Я же – скорбь людей до неба подыму!
Пусть труба на бой с врагом солдат зовёт –
Я звеню, коль худо войску моему!

Никому мой звук не изменить, когда
Над разевшейся глумлюсь Душой Вещей.
Песнь Ненужного, Напрасного Труда
Не таит ли звон любой струны моей?

Эй, ребята, «Та-ра-рара-ра-ра-ра!»
(Ну, не глупо ль это – песню
презирать?)
Всё ж последний звук – за мной, стоит
лишь приказу в бой
Цепь солдатскую отправить –
умирать!

Как-то Лиру – бабку бабушки моей
(О, лачуги рыбаков над синевой!)
Стал насиловать, согнув дугой, злодей.
Я – ребёнок их с железной головой.
Говорю я с вами мудростью веков,
Я рассказываю правду бытия,
Я – из греков, мой напев – весёлый зов,
Чудо-песня вечной молодости – Я!

Звонким «Тинка-тинка-тири-тири-тир!»
(Что ещё бы, Господа, сказать вам
здесь?)

Нанизало на себя я целый мир –
Да, от Делоса до Лимерика, весь!

Море и горы

Море, кто счастлив тобой? Соленой водою без
края,
Где грузные гребни зыбучих громад громами
грозят, замирая,
Кто штилям тропическим рад с предательским
их безразличьем,
Когда утихают шторма, чтоб с ревом
наброситься бычьим, –
Таким он величьем пьянел, таким тяготился
величьем
И море молил о ветрах.
Счастье не меньшее, счастье не меньшее горцы
находят в горах.

Море, кто счастлив тобой? Кого не смутишь ты
возмездьем
За бунт против бури, за буйный бушприт,
бегущий к бурунным созвездьям?

Кто выдержит мерный напор муссонов и ярость
цунами,
Кто слушать на мачте готов, как парус гремит
над волнами? —
Такими он снами пьянел, такими он мучился
снами
И море молил о дарах.
Счастье не меньшее, счастье не меньшее горцы
находят в горах.

Море, кто счастлив тобой? Кто бросил
осознанный вызов
Обманным туманам и сизой зиме и брызгам
серебряных бризов?
И айсбергам лунных пустынь, чьим царством
в каютах мы бредим,
Обломкам, ревушим впотьмах на зависть
пернатым соседям, —
Таким он наследьем владел, с таким
расставался наследьем
И морю поведал свой страх.
Счастье не меньшее, счастье не меньшее горцы
находят в горах.

Море, кто счастлив тобой? Кто жаден до
впадин свинцовых
Взамен толчей городских площадей и роскоши
залов дворцовых?
Кто к пыльным холмам не бежит, к земным
смертоносным орудьям
От донного мха, где покой бездонным храним
правосудьем? –
Таким он безлюдьем владел, таким упивался
безлюдьем,
Он морю оставит свой п р а х , –
Счастье не меньшее, счастье не меньшее горцы
находят в горах.

Молитва Макэндрю

Тень сна, о Господи, ясна в сравненье с нашим
светом.
Но ты нам в дар придумал Пар – и Божий
Промысл в этом!
На всем, от фланцев до винта, лежит твоя Рука,
Дрожь Провиденья бьет борта и ход маховика.
Джон Кальвин нудно толковал о
предопределенье,

Но в здешнем горне я ковал иное
«Наставленье».
Я нынче ночью не засну – болят года во мне.
На вахте время потяну – с Тобой наедине.
Опять сойду в машинный мрак: пойду к моей
машине,
В морях поднявшей кавардак в трехмесячной
путине.
Не чересчур ли – кавардак?.. Бьют шпонки
в шторм и в штиль.
Но извиненье, как-никак – бьют тридцать
тысяч миль!
Прошли Уэсан. Полный ход. Домой – куда
ж иначе?
К машине Фергюсон идет. Задаст он шпоры
кляче!
Жена ждет в Плимуте. Всех ждут. Уже
прибавил он
Три оборота – как салют в честь миссис
Фергюсон.
Лишь для меня любой причал – пустым-пустое
место:
Уж тридцать лет, как Ты призвал к себе мою
невесту

(Сгорела «Сара Сэндс» в тот год. Все Глазго и
к р у г о м, –
Куда не шастает н а р о д, – мы обошли вдвоем).
На судне – не в почете спесь. Сэр Кеннет без
раздумий:
«Привет, Макэндрю! Снова здесь? А как
делишки в трюме?»
В машине он ни в зуб ногой, но знает, что
почем.
«Вот наш механик судовой». Мадеру с пэром пьем!
«Он начинал еще тогда – в машинном на
подхвате!»
Не пароход был в те года – труба на самокате!
Давление – десять фунтов. Смех! Иначе не
назвать.
Теперь мы выдадим на всех аж сто шестьдесят
пять!
Мы ковырялись так и сяк с убоищем мотора,
А ведь на тридцати узлах работать будем
скоро!
Какое там на тридцати!.. За столько лет в пути
Машине, понял я, прости, людей не подвести –
Лишь люди могут сплеховать... Когда до
миллиона

Счет миль дошел – как до Луны маршрут
учетверенный!
А ты, о Боже, не со мной... Мой первый ураган:
В кают-компании хмельной был шкипер
в стельку пьян,
А я – в машинном, и вода стоит там на три
фута!
И ведь ни шагу никуда!.. Со мной шутили
круто.
Остались шрамы с той поры. Что шрамы!
Крик души –
Он вопиет, горит и жжет как раз в такой тиши.
Грехи грохочут по ногам, как каторжные гири.
Мои скормить бы клапанам в морях сорок
четыре!
Прости мне... С завистью смотрю, отвержен
и нелюб,
Как парочки и там и тут спуют под сенью труб.
Я жадно пил из чаши зла и наливал по новой.
Меня нелегкая несла в любой кабак портовый.
Гонконг ли, Глазго – все одно: ломился
я в бордель.
Прости, о Боже, заодно и шлюх моих, и хмель.
Но хуже всех мой главный грех. Мне стукнул

двадцать пятый...

Молю Творца: прости юнца, не требуя
расплаты!

Впервые в тропики попав, все пробуя подряд,
Как мог понять я, что кровав дьявольский
парад?

Днем – воздух, запахи, плоды – и все, что ни
потребуй,

А ночью – влажный блеск звезды
с панбархатного неба.

Весь день в порту на красоту смотрел, разинув
рот,
Как, упоен, свой смотрит сон блаженный
идиот.

Резьбы скупил я костяной, поделки деревянной
И всякой дряни остальной – не хуже капитана!
Но вот Самбава. М ы с . – И там сам ветер
мне поет:

«Макэндрию, припожалуй к нам!» – И млеко
в звуках, мед!

Издаലെка, как в забытыи, охватывая разум
И все сомнения мои отбрасывая разом:
«Твой Бог не Бог, а Сатана. Хвостат Он
и рогат.

Твоих священников смешна молва про рай и ад.
Там, в грязном Глазго, в холода, безжалостно
    царит Он,
И хоть и чтут его всегда, лишь боль и страх
    сулит Он.
Ты не воротись к Нему. Он жалок и жесток.
Ты к нам прибудешь («К нам» – к кому?) – и
    жив, узнаешь, Бог.
Он не насмешник, не злодей. Он походя не
    губит.
Он любит истинно людей, любовь земную
    любит»...
И замер Глас – и замер враз – и вверх меня
    в полмя.
Я обольстительным речам искал хотя бы имя.
А Дух Святой?.. А грех какой?.. А как же – с
    остальными?..

Пронесся мимо этот шквал, но якорем упал
На дно души моей тогда. О Господи, я пал!
На «Мэри Глостер» я служил – и в пламени
    пылал!
Твоей, о Господи, Руки не чуял я сначала.
До входа в Торресов пролив безумье бушевало.

Но лишь прошли Барьерный риф, я понял:
Небо вяло.
Не зги не видно впереди, мы жгли огонь
ночной.
Змеей сплелись в моей груди тоска и непокой.
«Глазами лучше погляди, а не блуждай душой!»
Звучало так и раз, и два – как гонг... И в самом
деле? –
Когда в пучину якоря к кораллам полетели.
И суть проста речей Христа, и Свет горит
доселе. –
В машинном отделенье свет – не более того!
Но сколько раз за столько лет терял я и его!

* * *

Сам посуди! Две тыщи душ мы перевозим в год.
Я пред Тобой не прихвастну и не завышу счет.
Возьмем скромней величину: ну, тысячу
пятьсот.
А если вспомнить глубину и необъятность вод!
Я – Твой слуга. Их воля – плыть, хоть в рай,
хоть в бездну а д а , –
Да ведь не мне людей судить: перевозить
их надо.

Моя вина – но лишь одна – не будет прощена:
Когда шесть тысяч здешних тонн поглотит
    глубина.
Маршрут из Кейпа в Веллингтон определил
    Всевышний:
На три недели с лишним он, механик здесь
    нелишний.
Однажды попадешь впросак – и механизм
    заглох, –
И в Кергелен на парусах тащись, пока не сдох.
А юг Америки! А крюк меж льдами в океане! –
Не для детишек этот трюк со склянками
    в тумане.
Там айсберг стылою спиной вот-вот тебя
    столкнет,
Как окаянный водяной, в ночной водоворот,
Там Божьих Мельниц жернова гремят
    в потоках вод.
(И снег и лед полны хвалой – Тебе! – Но,
    зная меру,
Я б выбрал нам маршрут другой – иль им
    другую веру.)
Там пот, кровавый пот с нас льет. И тщетно
    льет. Наш труд

Ты сводишь, Господи, на нет. О Господи,
ты крут!
Потом, в конце концов, придем в порт
назначенья. Трости
Рукою в лайке подхватив, простятся наши
гости.
«Спасибо, капитан, за в с е» . – Любезности
в о т в е т . –
А мне пора в машинный трюм и мне «спасибо»
нет.
Спасибо вам. И вам. И вам. Всем руки
пожимают.
А старый шотт бочком пройдет – никто его не
знает.
Но мне работа по нутру и чертов пароход.
Страховки нет, а весь доход – четыре сотни
в год.
На судне – славно?.. Что за бред! От здешних
вечных мук вы
Послали б этот драндулет на все четыре буквы!
А приворовывать? ловчить? – Мне чужд такой
азарт.
Ведь я механик как-никак – не кок и не
стюард.

А экономить на угле?.. Шотландцы скуповаты,
Но лучше пусто на столе, да густо – на лопаты.
(Не всякий уголь подойдет, не всякий в топку

гож.

Валлийский – тот не подведет,
и австралийский тож.)

Изобретать? – А добывать патент: где взять
терпенья?

Я прекратил патентовать мои изобретенья.
Я не порочу тех, кто смог – и даже преуспел,
Но не по мне любой наскок в край
канцелярских дел.

Меня подмял Аполлион, скажу без
святотатства.

Я сжег расчеты, чертежи, надежды на
богатство.

Ты знаешь, как упряма кумир. Я сжег его,
п о й м и , –

И жертву горькую мою, не брезгуя, прими.
*Убавь! Залей! Куда глядишь? Вы слишком много
жжете!*

*Ты на посудине, а вишь, жжешь, как на пакетботе!
За «думал» – денег не дают! Не думай, а тфудись!
О Господи, попробуй тут разок не чертыхнись!*

Слыву я хамом у мужчин. У дам – не
кавалером.
С моей компаншкой у машин – откуда быть
манерам?
Лихие парни слабака мгновенно обомнут.
Пока рука моя крепка, о Господи, я крут!
Недавно тут один виконт в изысканном
костюме
(Он сэрю Кеннету родня) прилип, как муха,
в трюме –
И задает мне, идиот, всерьез вопрос такой:
«Не портит ли ваш пар красот романтики
морской?»
А я – ход поршня проверял, внушающий
опаску,
Я в саже на спине лежал, уткнувшись носом
в смазку...
Романтику ему подай! Проклятый первый
класс! –
Да в чистых томиках и з д а й . – А кто поет
про нас?
Любовь и кровь, любовь и кровь – тошнит от
перегара!
О Боже, нужен новый Бернс, чтоб создал

Песню Пара!

А если наша кутерьма Певца не вдохновит,
Машина сможет и сама – ей правый путь
открыт.

Басами поршни зазвучат, а помпы – чуть
визгливо,
Эксцентрики заголосят и заскрежещут шкивы,
И передачи подадут свой глас в свой миг
и час,
И вал – услышишь! – подпоет, в великий хор
включась.

Вот это песня! В ней – напор, и слаженность,
и сила.

Она машинный коридор мгновенно охватила.
И голоса наперебой – и все понятны мне –
Звучат на скорости любой и при любой волне.
От крышки люка до котла – единое
стремленье.

Как зорька ясная, светла их Песнь
Благодаренья. –

За что? – За то, что, их создав, Ты оказался
прав.

За то, что щедр и величав, Ты, Боже, их создав.
Канон совместный – их и мой – в

затверженном звучанье:
«Закон, Порядок, Служба, Долг, Надежность,
Послушанье!»
Так их сработали навек, такую мысль в н у ш а, —
Подумать может человек, что есть у них душа.
И пусть им жизнь дает не мать, а — плавка,
ковка, с в а р к а, —
Их невозможно не понять, когда вздыхают
жарко!
Но никого не вразумил их голос никогда.
Семь тысяч лошадиных сил... О Господи, о да!
Я — пьян?.. Когда Ты создал мир, в начале
было С л о в о, —
И не оно ль внушало нам, что создал
образцово?
Когда бы так!.. Разобран был Тобою образец —
И Сборщик к делу приступил. Но Сборщик
сам — Творец!
Механик и мастеровой, порой — простой
трудяга,
Он соберет, о Боже, Твой Ковчег Добра
и Блага!
Не мне судить, хорош иль плох он будет на
плаву.

Но я – хвала Тебе – тружусь. Хвала Тебе –
живу!
Судить положено не мне. Судить – Твоя затея.
Судить, прощать...
Эй вы, не спать! На задний
ход скорее!
Откуда лоцман в этот час? Ах, час уже такой...
Я верю в Первородный Грех и в Вышний
Промысл Твой –
И потому-то...
*Фергюсон, твоя жена влетела
Нам этой ночью в пару тонн угля... Живей за дело!*

«Мэри Глостер»

Я платил за твои капризы, не запрещал ничего.
Дик! Твой отец умирает, ты выслушать должен
его.
Доктора говорят – две недели. Врут твои
доктора,
Завтра утром меня не будет... и... скажи, чтоб
вышла сестра.
Не выдывал смерти, Дикки? Учись, как кончаем
мы,

Тебе нечего будет вспомнить на пороге вечной
тьмы.

Кроме судов, и завода, и верфей, и десятин,
Я создал себя и миллионы, но я проклят – ты
мне не сын!

Капитан в двадцать два года, в двадцать три
женат,

Десять тысяч людей на службе, сорок судов
прокат.

Пять десятков среди них я прожил и сражался
немало лет,

И вот я, Антони Глостер, умираю – баронет!
Я бывал у его высочества, в газетах была статья:
«Один из властителей рынка» – ты слышишь,
Дик, это – я!

Я начал не с просьб и жалоб. Я смело взялся
за труд.

Я хватался за случай, и это – удачей теперь
зовут.

Что за судами я правил! Гниль и на щели щель!
Как было приказано, точно, я топил и сажал их
на мель.

Жратва, от которой шалеют! С командой не
совладать!

И жирный куш страховки, чтоб рейса риск
оправдать.
Другие, те не решались, – мол, жизнь у нас
одна.
(Они у меня шкиперами.) Я шел, и со мной
жена.
Женатый в двадцать три года, и передышки
ни дня,
А мать твоя деньги копила, выводила в люди
меня.
Я гордился, что стал капитаном, но матери
было видней,
Она хваталась за случай, я следовал слепо
за ней.
Она уломала взять денег, рассчитан был
каждый шаг,
Мы купили дешевых акций и подняли
собственный флаг.
В долг забирали уголь, нам нечего было есть,
«Красный бык» был наш первый клипер,
теперь их тридцать шесть!
То было клиперов время, блестящие были дела,
Но в Макассарском проливе Мэри моя умерла.
У Малого Патерностера спит она в синей воде,

На глубине сто футов. Я отметил на карте – где.
Нашим собственным было судно, на котором
    скончалась она,
И звалось в честь нее «Мэри Глостер»: я молод
    был в те времена.
Я запил, минуя Яву, и чуть не разбился у скал,
Но мне твоя мать явилась – в рот спиртного
    с тех пор я не брал.
Я цепко держался за дело, не покладая рук,
Копил (так она велела), а пили другие вокруг.
Я в Лондоне встретил Мак-Кулло (пятьсот
    было в кассе моей),
Основали сталелитейный – три кузницы,
    двадцать людей.
Дешевый ремонт дешевки. Я платил, и дело
    росло.
Патент на станок приобрел я, и здесь мне опять
    повезло,
Я сказал: «Нам выйдет дешевле, если сделает
    их наш завод»,
Но Мак-Кулло на разговоры потратил почти
    что год.
Пароходства как раз рождались, – работа
    пошла сама,

Котлы мы ставили прочно, машины были –
дома!
Мак-Кулло хотел, чтоб в каютах были мрамор
и всякий там кле
Брюссельский и утрехтский бархат, ванны и
общий салон,
Водопроводы в клозетах и слишком легкий
каркас,
Но он умер в шестидесятых, а я – умираю
сейчас...
Я знал – шла стройка «Байфлита», – я знал
уже в те времена
(Они возились с железом), я знал – только
сталь годна.
И сталь себя оправдала. И мы спустили тогда,
За шиворот взяв торговлю, девятиузловые
суда,
Мне задавали вопросы, по Писанью был мой
ответ:
«Тако да воссияет перед людьми ваш свет».
В чем могли, они подражали, но им мыслей
моих не украсть:
Я их всех позади оставил потеть и списывать
власть.

Пошли на броню контракты, здесь был Мак-
Кулло силен,
Он был мастер в литейном деле, но лучше, что
умер он.
Я прочел все его заметки, их понял бы новичок,
И я не дурак, чтоб не кончить там, где мне дан
толчок.
(Помню, вдова сердилась.) А я чертежи
разобрал.
Шестьдесят процентов, не меньше, приносил
мне прокатный вал,
Шестьдесят процентов с браковкой, вдвое
больше, чем дало б литье,
Четверть миллиона кредита – и все это будет твое.
Мне казалось – но это неважно, – что ты очень
походишь на мать,
Но тебе уже скоро сорок, и тебя я успел узнать.
Харвард и Тринити-колледж. А надо б
отправить в моря!
Я дал тебе воспитанье, и дал его, вижу, зря.
Тому, что казалось мне нужным, ты вовсе
не был рад,
И то, что зовешь ты жизнью, я называю –
разврат.

Гравюры, фарфор и книги – вот твоя колея,
В колледже квартирой шлюхи была квартира
твоя.

Ты женился на этой костлявой, длинной, как
карандаш,

От нее ты набрался спеси; но скажи, где
ребенок ваш?

Катят по Кромвель-роуду кареты твои день
и ночь,

Но докторский кеб не видно, чтоб хозяйке
родить помочь!

(Итак, ты мне не дал внука, Глостеров кончен
род.)

А мать твоя в каждом рейсе носила под сердцем
плод.

Но все умирали, бедняжки. Губил их морской
простор.

Только ты, ты один это вынес, хоть мало что
вынес с тех пор

Лгун и лентяй и хилий, скаредный, как щенок,
Роющийся в объедках. Не помощник такой
сынوك!

Триста тысяч ему в наследство, кредит и с
процентов доход

Я не дам тебе их в руки, все пущено в оборот.
Можешь не пачкать пальцев, а не будет у вас
детей,
Все вернется обратно в дело. Что будет с женой
твоей!
Она стонет, кусая платочек, в экипаже своем
внизу:
«Папочка! умирает!» – и старается выжать
слезу.
Благодарен? О да, благодарен. Но нельзя ли
подальше ее?
Твоя мать бы ее не любила, а у женщин
бывает чутье.
Ты услышишь, что я женился во второй раз.
Нет, это не то!
Бедной Эджи дай адвоката и выдели фунтов
сто.
Она была самой славной – ты скоро
встретишься с ней!
Я с матерью все улажу, а ты успокой друзей.
Что мужчине нужна подруга, женщинам не
понять,
А тех, кто с этим согласны, не принято в жены
брать.

О той хочу говорить я, кто леди Глостер еще,
Я нынче в путь отправляюсь, чтоб повидать ее.
Стой и звонка не трогай! Пять тысяч тебе
заплачу,
Если будешь слушать спокойно и сделаешь то,
что хочу.
Докажут, что я – сумасшедший, если ты не
будешь тверд.
Кому еще я доверюсь? (Отчего не мужчина он,
черт?)
Кое-кто тратит деньги на мрамор (Мак-Кулло
мрамор любил).
Мрамор и мавзолеи – я зову их гордыней
могил.
Для похорон мы чинили старые корабли,
И тех, кто так завещали, безумцами не сочли.
У меня слишком много денег, люди скажут...
Но я был слеп,
Надеясь на будущих внуков, купил я в Уокинге
склеп.
Довольно! Откуда пришел я, туда возвращаюсь
вновь.
Ты возьмешься за это дело, Дик, мой сын, моя
плоть и кровь!

Десять тысяч миль отсюда, с твоей матерью
лечь я хочу,
Чтоб меня не послали в Уокинг, вот за что я тебе
плачу.
Как это надо сделать, я думал уже не раз,
Спокойно, прилично и скромно – вот тебе мой
приказ.
Ты линию знаешь? Не знаешь? В контору
письмо пошли,
Что, смертью моей угнетенный, ты хочешь
поплавать вдали.
Ты выберешь «Мэри Глостер» – мной приказ
давно уже дан, –
Ее приведут в порядок, и ты выйдешь на ней
в океан.
Это чистый убыток, конечно, пароход без дела
держать...
Я могу платить за причуды – на нем умерла
твоя мать.
Близ островов Патерностер в тихой, синей
воде
Спит она... я говорил уж... я отметил на
карте – где
(На люке она лежала, волны масляны и густы),

Долготы сто восемнадцать и ровно три широты.
Три градуса точка-в-точку – цифра проста
и ясна.
И Мак-Эндрю на случай смерти копия мною
дана.
Он глава пароходства Маори, но отпуск дадут
старине,
Если ты напишешь, что нужен он по личному
делу мне.
Для них пароходы я строил, аккуратно
выполнил все,
А Мака я знаю давненько, а Мак знал меня...
и ее.
Ему я передал д е н ь г и , – удар был предвестник
к о н ц а , –
К нему ты придешь за ними, предав глубине
отца.
Недаром ты сын моей плоти, а Мак мой
старейший друг,
Его я не звал на обеды, ему не до этих штук.
Говорят, за меня он молился, старый
ирландский шакал!
Но он не солгал бы за деньги, подох бы, но не
украл.

Пусть он «Мэри» нагрузит балластом –
    полюбуйся, что за ход!
На ней сэр Антони Глостер в свадебный рейс
    пойдет.
В капитанской рубке, привязанный,
    иллюминатор открыт,
Под ним винтовая лопасть, голубой океан
    кипит.
Плывет сэр Антони Глостер – вымпела по
    ветру л е т я т, –
Десять тысяч людей на службе, сорок судов
    прокат.
Он создал себя и миллионы, но это все суета,
И вот он идет к любимой, и совесть его чиста!
У самого Патерностера – ошибиться нельзя
    никак...
Пузыри не успеют лопнуть, как тебе заплатит
    Мак.
За рейс в шесть недель пять тысяч, по
    совести – куш хорош.
И, отца предав океану, ты к Маку за ним
    придешь.
Тебя высадит он в Макассаре, и ты
    возвратишься один,

Мак знает, чего хочу я... И над «Мэри» я –
господин!
Твоя мать назвала б меня мотом – их еще
тридцать шесть – ничего!
Я приеду в своем экипаже и оставлю у двери
его,
Всю жизнь я не верил сыну – он искусство
и книги любил,
Он жил за счет сэра Антони и сердце сэра
разбил.
Ты даже мне не дал внука, тобою кончен наш
род...
Единственный наш, о мать, единственный
сын наш – вот!
Харвард и Тринити-колледж, – а я сна не знал
за барыш!
И он думает – я сумасшедший, а ты в
Макассаре спишь!
Плоть моей плоти, родная, аминь во веки
веков!
Первый удар был предвестник, и к тебе я идти
был готов.
Но – дешевый ремонт дешевки – сказали
врачи: баловство!

Мэри, что ж ты молчала? Я тебе не жалел
ничего!
Да, вот женщины ... Знаю ... Но ты ведь
бесплотна теперь!
Они были женщины только, а я – мужчина.
Поверь!
Мужчине нужна подруга, ты понять никак не
могла,
Я платил им всегда чистоганом, но не говорил
про дела.
Я могу заплатить за прихоть! Что мне тысяч
пять
За место у Патерностера, где я хочу почивать?
Я верую в Воскресенье и Писанье читал не раз,
Но Уокингу я не доверюсь: море надежней
для нас.
Пусть сердце, полно соковищ, идет
с кораблем ко дну...
Довольно продажных женщин, я хочу обнимать
одну!
Буду пить из родного колодца, целовать
любимый рот,
Подруга юности рядом, а других пусть черт
поберет!

Я лягу в вечной постели (Дикки сделает, не
предаст!),
Чтобы был дифферент на нос, пусть Мак
разместит балласт.
Вперед, погружаясь носом, котлы погасив,
холодна...
В обшивку пустого трюма глухо плещет волна,
Журча, клокоча, качая, спокойна, темна и зла,
Врывается в люки... Все выше... Переборка
сдала!
Слышишь? Все затопило, от носа и до кормы.
Ты не видывал смерти, Дикки? Учись, как
уходим мы!

Баллада о «Боливаре»

Семеро парней бывалых – в экипаже нашем.
Мы идем в кабак. Горланит, песни. Ералашим,
Пей, гуляй сегодня вволю, на ногах нетверд:
«Боливар» благополучно возвратился в порт.
Мы грузились в Сандерленде, взяли рельсы,
шпалы.

Груз уложен был так плохо: только отошли –
И назад. Опять отплыли. Зимний ветер шальный
Гнал обратно наше судно чуть не до земли.

Расшатались все расклепки. В дьявольском
безумье
Перекатывались рельсы, все крушили в трюме.
Прохудившееся днище. Крен на левый борт.
Туго нам пришлось – и все же мы вернулись
в порт.

Затрещала от удара, слышим, переборка.
Подлатать бы, да нет мочи – все наперечет.
Шли да шли мы, а однажды было: вся семерка
Помахала дружно «Волку»: дескать, тихоход!

«Боливар» наш полз, качаясь валко, точно утка.
Гром на нем стоял, что в к у з н е, – слышно было
жутко.

Но пускай с истошным воем бесновался норд,
Мы прошли залив Бискайский – и вернулись
в порт.

На весу, кряхтя натужно, прогнулся корпус.
Спорила братва, как долго выдержит каркас.
И когда над нами волны нависали, взгорбясь,

«Боже, вал гребной помилуй!» – мы молились
враз.

Ноги – в ссадинах, ушибах, на руках –
мозоли.

До костей мы все продрогли, наглотались соли.
Думал, верно, заполучит наши души ч е р т , –
Дал промашку он, о д н а к о , – мы вернулись
в порт.

Задирался нос – и в пропасть рушился
с налету.

Так весь день без передышки. Дело было дрянь.
Лишь деньжонки страховые, плаченные
Ллойду,

На плаву держали нашу старую лохань.
Как собачий хвост, вертелась компасная
стрелка.

Скрип крепок все слышнее. Ну и переделка!
День и ночь над нами черный небосвод
простерт.

И хлебнули же мы горя, возвращаясь в порт!
Как-то ночью, видим, белый пароход-красавец,
Весь в огнях, при полном штиле, шпарит
пряником

Нам навстречу. Близко-близко он прошел – и
зависть

Стиснула клещами сердце. Нам бы на таком!

Вышел шкипер их из рубки да как гаркнет
басом:

«Прикрутите руль, ребята, оторвется часом!»

Он куражился над нами, сам собою горд.

Только зря он скалил зубы – мы вернулись
в порт.

Разошлись листы обшивки – конопать все
щели.

Проскочили мы Бильбао, сзади рифы, мели.

Слава богу, не достались рыбам на подкорм.

Ловко мы надули море в этот чертов шторм!

Семеро парней бывалых – в экипаже нашем.

Мы идем в кабак. Горланим песни. Ералашим.

Рад хозяин – он лакает виски первый сорт:

«Боливар» благополучно возвратился в порт.

Путем Скитальцев

О прошлом Новый год заводит речь,
Он в море нас торопится увлечь,
Синеет на фок-мачте флаг торговый,
И кочегар бросает уголь в печь.

Погружен холст всемирного купца,
С зимы мы отлюбили до конца,
За Гвардафуй восточный ветер свежий
Сзывает пароходы и сердца.

Узлов двенадцать делаем мы в ч а с , —
Кто б сонную посудину растрял!
Ни конкуренции, ни жестких сроков , —
А, впрочем, есть ли разница для нас?

На этих белых палубах жесток,
Под тентами, порядок твой, Восток:
Любовь, рожденья, слезы, смех, разлука
И Смерть как разрешающий итог.

Безумных душ полуночный надлом:
В каюте духота, а за стеклом
    Так глубина прохладна, что наутро
Незанятое место за столом.

Трепещет снасть, пятная снег бортов,
Затянут крепкою рукой найтов,
    Как цепи скованного великана,
Внизу грохочут лопасти винтов.

Приелись небу ярких брызг дожди:
За рыбами летучими следи
    До одури, но вот и для светила
Окончен день и вахта позади.

Ветрам не первый ты подставил грудь,
Еще вчера здесь плыл какой-нибудь
    Делийский Джонс, а Брук из
    Миднапора
И Браун завтра повторят твой путь.

Бродяги эти, за звеном звено,
Сковали цепь имперскую давно:

Путем Скитальцев вдаль идут
скитальцы,
Крича или рыдая, все равно!

Окончил труд – плыви себе домой!
Ты как челнок в руках Судьбы самой:
Скользящим килем соткана ряднина,
Бесчувственным пространством за кормой.

Не будет скидки за проезд, пойми! –
С женою, с кучей барахла, с детьми
Хоть тридцать раз плыви туда-обратно,
Компанию наличными корми!

Стань неприметным, если ты горласт,
Тоги земную гордость, как балласт,
Пока на шканцах яркая кокарда
Соизволенья жить тебе не даст.

Нам жаль потраченных напрасно лет,
И флагу Пароходства глядя вслед,
Мы каждый раз порвать решаем с морем
И каждый раз опять берем билет.

Плывет из Кензингтона некий Смит,
Три месяца в душе его штормит
    От новых азиатских впечатлений,
Но пестрый флаг его не изумит.

А мы верны тропической звезде,
Цыгане моря, вечно на воде,
    Под этим красно-сине-желтым флагом,
Бездомные, мы дома, как нигде!

Разрушен лагерь, бунгало пусты,
По сторонам могильные кресты, –
    За ветхим доком, в нищей богадельне
Остаток жизни скоротаешь ты.

Окончен труд – плыви себе домой!
За колесом Империи самой
    Путем Скитальцев следуют скитальцы,
От прадеда к потомку – по прямой.

Плати и доберешься не спеша.
Проклятьем древним мудрость хороша.

Плывет под пестрым флагом
Пароходства
Востока безутешная душа.

Шпионский марш

Эпидемия в разгаре; Наполеону стало бы дурно при виде стольких смертей... На прошлой неделе скончался доктор М., в понедельник К., впрочем, попустила еще партия медикаментов... Похоже, нам тут несдобровать... Деревни охвачены безумной паникой... В некоторых не осталось живой души... Как бы то ни было, подобный опыт полезен в жизни, и я сохраню на случай мои сегодняшние заметки... Что-то есть подозрительное в постоянном общении со Смертью.

Из частного письма. Маньчжурия

Начальник не кличет нас к делу чести, нет
начальства в наших рядах;
Каждый сам отвечает за все, у других не прося
совета.

Труба не зовет батальонов; ползем в тиши
и впотьмах,
За Желтым Флагом ползем от края света до
края света.
Строиться! Строиться! Строиться!

Ни в гуще эскадрона,
Ни там, где блеск штыков,
Ни там, где пушки лают исступленно
На вражеских стрелков,
Ни там, где наций крушенье
И обескровленных стон, —
Нет, в чистой игре, каково сражение, —
Тебе не место, шпион!
Троны, Князя, Державы, ваши дела — забавы,
Занят не этим шпион!

Мы в мире — для иного;
Свой флаг скатали мы.
Лишь когда полшара земного
Смерть возьмет, как язва чумы, —
Для этого Генерала
Мы не свернем знамен,

Лишь под его начало
    Встать согласен шпион.
Где чумы силуэт вороний над землей держав
    и колоний —
    Место тебе, шпион!

И тут, и там хоронят,
    Стреляют там и тут.
В крови трава утонет,
    Когда стрелки придут.
Деревни оскудели
    Или поверглись в сон...
Вот здесь и в самом деле
    Нужда есть в тебе, шпион!
Царям, Народам, Землям — лишь их командам
    внемлем.
    Вот где работа, шпион!
(Бом, бом!) Где страшно, туда, шпион!

Узнай, в каком подобье
    Смерть посетит наш дом:
Слепнем в густой чащобе?
    Болотным комаром?

Грязь городов многолюдных,
У крысы в паху бубон,
Плевки заразных на суднах...
Выведай все, шпион!
(Бом, бом!) Где гибель, туда, шпион!

Провидь, прознай, подслушай,
Когда атаки час,
С воды, с высот ли, с суши
Повалит враг на нас?
Быть может, повозки спалить с фуражем,
Чтоб с голоду умер он?
Змеей проползи по линиям вражьи́м,
– Выведай все, шпион!
(Бом, бом!) Вот твоя плата, шпион!

Засада иль осада?
Маневры или бой?
Стрелять или не надо?
Кто там еще живой?
Затишье долго ль продлится?
Скоро ль иссякнет он?
В тыл заползи к нему, чтоб убедиться,
Вот твое дело, шпион!

(Бом, бом!) Ответ принеси, шпион!

Скачи все время рядом –
Куда б ни шел Конь Блед,
Ухом к земле припадай, а взглядом
Не упускай примет.
Там, где мы надрываемся и страдаем,
Тысяч жертв раздавался стон.
Ни о душе, ни о теле знать не желаем!
Дай нам спасенье, шпион!

Второе плаванье

1903

Всех Купидонов в бухту мы услали –
Им боязно, им знобко, им невмочь.
Шелк парусов мы в волны побросали
И золотую мачту тоже прочь.
(Погода дрянь!)

Ставь сосновые столпы – выстоим против
рапы.
Но любовь – наш хозяин и день и ночь.

Все галереи сверху в волны смыты,
И соль на позолоту выросла,
По борту краска струьями покрыта,
А под водою ряской зацвела.
(Погода дрянь!)
Ветер голубков унес – в небе черный
альбатрос.
Но власть любви ничуть не убыла.

Не держит Юность в пятернях штурвала,
Шатается, как ж е р д ь , – пьяным-пьяна!
Трех интендантов взять бы не мешало:
Им имя – Страх, Обычай, Тишина.
(Погода дрянь!)
Волки все – на шраме шрам... Но от бед не
скрыться нам,
На Пафосе опять нас ждет война,
Уже мы страсти к бурям не питаем,
Не волочим по кромке моря трал,

«День или ночь?» – спросонья не пытаем,
Лишь думаем, как докрутить штурвал.
(Погода дрянь!)
Главное – терпеть и ждать, и зазря не
искушать
Того, кто нам спасенье даровал!

Но и не ждем от бури уберечься
И даже не выравниваем путь.
Уж если ветру надобно развлечься,
Так он найдет, как с палубы нас сдуть.
(Погода дрянь!)
Скоро там, на глубине, будем клясть его во
с н е , –
Но старая любовь не даст заснуть.

...Окручивай их цепью головою,
Пусть их оркестр береговой дурит,
Отважный – значит, дева за тобою.
О старых Гесперидах новь грустит.
(Погода дрянь!)
Пользы не принес маршрут, но моря опять
влекут.
Шафранный парус свадебный летит.

Песнь англичан

Счастливы наш жребий – богато наше
наследство!

(Будь покорен, народ мой, и гласу веселья
внемли!)

Ибо путь от Бога дан –

Он нас через океан,

Ако по сучу, выводит на все стороны земли!

Да, мы порой заблуждались, порою
блуждали,

Наши вожди запятнали бесчестьем и душу,
и плоть,

Но всем тем, кто заплутал,

Но в пути не плутовал,

По заслугам, по испугам, по делам воздаст
Господь!

Верен будь Вере – Вере, скрепленной
отцами,

Не доверяясь миражам заумной и зыбкой
мечты,

Ибо Господу во длань
Ты свою приносишь дань –
Платишь сердцем, платишь шпагой, и
заплатишь песней ты!

Будь же послушен и скор в исполненье Закона,
Мост над пучиной построй и развей над
дорогами тьму,
Чтобы знал любой народ:
Что посеет – то пожнет.
Пусть покажет мир меж нами, как мы
служим и кому!

Слушайте песнь – эта песнь ко времени ныне,
Скромная песнь – но молчанье подходит к
концу.
Сквозь слова и сквозь напев
Узри, истину прозрев,
То, что в разных странах света ясно виделось
певцу!

За цыганской звездой

Мохнатый шмель – на душистый хмель,
Мотылек – на выюнок луговой,
А цыган идет, куда воля ведет,
За своей цыганской звездой!

А цыган идет, куда воля ведет,
Куда очи его глядят,
За звездой вослед он пройдет весь свет –
И к подруге придет назад.

От палаток таборных позади
К неизвестности впереди
(Восход нас ждет на краю земли) –
Уходи, цыган, уходи!

Полосатый змей – в расщелину скал,
Жеребец – на простор степей.
А цыганская дочь – за любимым в ночь
По закону крови своей.

Дикий вепрь – в глушь торфяных болот,
Цапля серая – в камыши.
А цыганская дочь – за любимым в ночь
По родству бродячей души.

И вдвоем по тропе, навстречу судьбе,
Не гадая, в ад или в рай.
Так и надо идти, не страшась пути,
Хоть на край земли, хоть за край!

Так вперед! – за цыганской звездой
кочевой –
К синим айсбергам стылых морей,
Где искрятся суда от намерзшего льда
Под сияньем полярных огней.

Так вперед – за цыганской звездой
кочевой
До ревущих южных широт,
Где свирепая буря, как божья метла,
Океанскую пыль метет.

Так вперед – за цыганской звездой кочевой –
На закат, где дрожат паруса,
И глаза глядят с бесприютной тоской
В багровеющие небеса.

Так вперед – за цыганской звездой кочевой –
На свиданье с зарей, на восток,
Где, тиха и нежна, розовеет волна,
На рассветный вползая песок.

Дикий сокол взмывает за облака,
В дебри леса уходит лось.
А мужчина должен подругу искать –
Исстари так повелось.

Мужчина должен подругу найти –
Летите, стрелы дорог!
Восход нас ждет на краю земли,
И земля – вся у наших ног!

Прибрежные огни

Мы вросли по колено в водоросли, а брови
вздохматил прибой,
Опоясаны наши чресла дымящейся пенной
волной.
Со скал, валунов и рифов вправо, влево, вперед
Смотрят огни Англии – идет английский флот!
В бескрайности летнего вечера,
в распластанном ветром пути,
В визжащей буре Ла-Манша, где без гудков не
пройти,
Днем салютуя флагом, ночью – громом
стрельбы,
Послушное пастырям стадо идет с морской
пастыбы.
Мы мост от мрака до мрака. Держи на нас,
рулевой!
Твою жену к молитве разбудит наш свет живой.
С берегом огненной цепью мы связали
подводный прах:
Возлюбленный спит в пучине – любовь
в английских волнах!

Привет ползущим с Юга груженным шерстью
судам
И танкерам (порт приписки – Бремен, Гульв,
Амстердам).

Равно для каждого светит наш ровный огонь
впереди –
Тебе, броненосный крейсер, тебе, китобой из
Данди!

Придите, спеша с Востока, держа за кормой
восход;
Пробейтесь на встречный ветер, цыгане южных
вод!

В ткацком станке Империи соткав суровые
морей,
Вернитесь к приветному свету родных
английских огней!

Пусть к Лондону режет воду поросший
ракушками киль.
Пройдите с тяжелым грузом последние
несколько миль.
Люди спросят вас об Империи, и в ответ
услышат они:

«Нас призвали английские прибрежные огни!»

Песнь мертвых

*Разносится песнь мертвых — над Севером, где
впотьмах*

*Всё смотрят в сторону Полюса те, кто канул во
льдах.*

*Разносится песнь мертвых — над Югом, где взвыл
суховея,*

Где динго скулит, обнюхивая скелеты людей и коней.

*Разносится песнь мертвых — над Востоком, где
среди лиан*

*Громко буйвол лакает из лужи и в джунглях вопит
павиан.*

*Разносится песнь мертвых — над Западом, в лесных
снегах,*

*Где стали останки на каждой стоянке добычей
россомах, —*

Ныне слушайте песнь мертвых!

I

Мы так жадно мечтали! Из городов,
задыхающихся от людей,

Нас, изжаждавшихся, звал горизонт, обещая
сотни путей.
Мы видели их, мы слышали их, пути на краю
земли,
И вела нас Сила превыше земных, и иначе мы
не могли.
Как олень убегает из стада прочь, не разбирая
пути,
Уходили мы, веря, как дети, в то, что сумеем
дойти.
Убывала еда, убегала вода, но жизнь убивала
быстрее,
Мы ложились, и нас баюкала смерть, как
баюкает ночь детей.
Здесь мы лежим: в барханах, в степях,
в болотах среди гнилья,
Чтоб дорогу нашли по костям сыновья, как по
вехам, шли сыновья!
По костям, как по вехам! Поля Земли удобрили
мы для вас,
И взойдет посев, и настанет час – и настанет
цветенья час!
По костям! Мы заждались у наших могил,
у потерянных нами дорог

Властной поступи ваших хозяйских ног, грома
тысяч сыновьих сапог.
По костям, как по вехам! Засеяли мир мы
костями из края в край, —
Так кому же еще, как не вам, сыновья,
смертоносный снять урожай?

*...И Дрейк добрался до мыса Горн,
И Англия стала Империей.
Тогда наш оплот воздвигся из вод,
Неведомых вод, невиданных волн.
(И Англия стала Империей.)*

*Наш вольный приют даст братьям приют
И днем, и глубокой ночью.
Рискуй, гальтёба, — на карте судьба,
Не встретились там, так встретимся тут.
(Днем или поздней ночью!)*

*Да будет так! Мы залогом тому,
Что было сказано здесь.
Покинув свой дом, мы лучший найдем,
Дорога зовет, и грусть ни к чему.
(И этим сказано всё!)*

II

Наше море кормили мы тысячи лет
И поныне кормим собой,
Хоть любая волна давно солонна
И солон морской прибой:
Кровь англичан пьет океан
Веками – и все не сыт.
Если жизнью надо платить за власть –
Господи, счет покрыт!

Поднимает здесь любой прилив
Доски умерших кораблей,
Оставляет здесь любой отлив
Мертвецов на сырой земле –
Выплывают они на прибрежный песок

Из глухих пропастей дна.
Если жизнью надо платить за власть –
Господи, жизнью платить за власть! –
Мы заплатили сполна!

Нам кормить наше море тысячи лет
И в грядущем, как в старину.
Нам, давным-давно пошедшим на дно,
Или вам, идущим ко дну, –

Всем лежать среди снастей своих кораблей,
Среди останков своих бригантин.
Если жизнью надо платить за власть —
Господи, жизнью платить за власть,
Господи, собственной жизнью за власть! —
Каждый из нас властелин!

Подводный телеграф

Сверху вниз опускаются к нам обломки
кораблей,
К нам, во мрак, во тьму, бездонную мглу, в мир
слепых морских змей.
Здесь звука нет, отзвука нет, ни света, ни рыб,
ни трав:
Под серым илом, черной водой — подводный
телеграф.
В крошечной утробе, в пропасти дна по ребрам
земли стучат
Слова, слова, голоса людей, боящиеся пропасть,
Шелест надежды, лепет любви, горький шепот
утрат —

Ибо туда, где жила Немота, пришла другая
Власть.

Вечные вещи теперь ничто, Время отныне –
персть.

Рука с рукой и земля с землей связаны дном
морским.

Тише! Люди ведут разговор, разносится новая
весть,

И новое Слово бежит во мгле: «Многие –
станем одним!»

Песнь сыновей

Вернувшийся в дом – дары приносит
у отчих стен.

Измена богата мздой, мы – верностью без
измен.

Слышали мы смертный хрип, знавали звериный
рев;

Ты можешь гордиться, мать: весь мир – это
твой кров.

Гляди – разве мы слабы? Мало ли нас –
скажи?

Или мы не бойцы? Или мы не мужи?

Мы, вскормленные тобой за морем, а не тут,
Хотим говорить с родней – зови их, они
придут.

Мы честно сражаемся, мать, – бок о бок
и взгляд во взгляд,

Ведь верность нельзя продать, а сердце –
снести в заклад.

Единственные дары – любовь без клятв
и присяг.

Так слушай своих детей, далеких морских
гуляк!

Песнь городов

Бомбей

Наследник королей, – моря твои досель
Готов одаривать я щедрыми руками
И перемалывать народы всех земель
Своими жерновами!

Калькутта

Мне Капитан был муж. Мне жизнь дала Река.
В бой, чтобы мной владеть, шли короли
когда-то.
Я – Азия, я – Власть на троне из песка,
И Смерть в руке моей, и Злато!

Мадрас

Клайв мою землю в губы-берега
И в очи-острова лобзал, на власть венчая;
Всё минуло – земля, как старая карга,
О прошлом грезит, увядая.

Рангун

О мать! Кругом шипят: «Торгаш и скряга он!»
А мне плевать! Гляди, как мой монах
бормочет
И как стоят вдвоем у храма Шве Дагон
Любовники, и девушка хохочет!

Сингапур

Должны передо мной и Запад, и Восток
Склониться для того, чтоб в дальний путь
пуститься:
Могу открыть врата, могу замкнуть замок
Второй морской столицы!

Гонконг

Мать, береги меня – и берегись меня:
Спит в гавани волна под килем терпеливо,
А завтра вздыбится, бушуя и гоня
Твой флот военный из залива!

Галифакс

Через туман плывет дозор сторожевой,
И крепости мои густым туманом скрыты.
Честь Северных Земель за мной, как за стеной,
Всегда глаза мои открыты.

Квебек и Монреаль

Мир – общий наш удел, но слышен шепоток:
то ль ненависть врага, то ль шутка
вертопраха;
Проснувшись, помним мы: могуч и грозен Рок
И ждем, не поддаваясь страху.

Виктория

С Востока к Западу кругами вод морских
Шло Слово; замкнут круг – и Запад стал
Востоком,
И натянулась цепь, связующая их
В единстве нежном и жестоком.

Кейптаун

О мать, моя земля познала сотни рук
И в дреме видела, переходя по кругу,
Сон об Империи: одна страна вокруг –
От Львиной Головы до Юга!

Мельбурн

Нас создали, о мать, не страх и не успех,
А жадность золота и жажда вековая,
И глотка гавани горланит громче всех,
Приливы дней и волн глотая.

Сидней

Свой первородный стыд я обратил в почет,
Тем, кто силен, я дал всевластие в придачу.
Победа тропиков в крови моей течет,
Лежит у ног моих удача.

Брисбен

Кует Империи единую семью
Под светом южных звезд здесь северное
племя.
Час близок — подниму я голову свою,
Словно владыка, надо всеми!

Хобарт

Меня вела любовь, а злоба в ад свела.
Я смыл с себя позор для процветанья рода.
Благословив на жизнь и добрые дела,
Бог дал мне мир и дал свободу.

Окленд

К далеким, сказочным, наипоследним – к нам
Улыбчивые дни спускаются в долины.
Отсюда в долгий путь к Счастливым Островам
Уходят из дому мужчины!

Ответ Англии

Поистине ваша Кровь – Кровь моих сыновей:
В ней – Закон и Запрет, нету Покорства в ней.
Плоть от плоти моей, кость от моей кости –
Дети пошли в отцов, внукам в детей пойти.
Наши связь и любовь крепче, чем жизнь и речь,
На ласки не тратим мы мгновенья коротких
встреч.

Поныне я сил полна и руки мои крепки,
Для тысяч новых детей набухли мои соски.
Я вам построила дом и дверь помогла открыть,
Советников вам дала, чтоб вы могли говорить –
Стражи южных морей. Лорды свободных
трасс –
С матерью вашей седой, выпестовавшей вас,
Чтоб могли говорить друг с другом в краях
любых
От имени Крови своей во имя братьев своих.
Порукой – общая Кровь; поручимся всем
святым:
Я вашей силой живу, вы живы благом моим.
И знайте – нас обойдет грядущий Армагеддон,
Не рухнет наш прочный свод, не хрустнут
кости колонн.
Сыромятный ремень стяните тройным узлом,
Прочным, как наш Закон, объединивший дом,
Закон, связавший в одно миллионы умов
и душ –
Степь и Кленовый Лист, Ракитник и дальний
Буш.
Вас не надо учить, как закон создавать:
Вы, мои сыновья, не предадите мать.

Я вам сказала все. Всё вы сказали мне.
Ныне вам, сыновья, время идти к родне.
Ступайте к своим трудам и будьте в пути
    смелы,
Не торопите побед, не ждите скорой хвалы,
Пусть станет острее меч, пусть станет перо
    мудрей –
Не дети, не боги вы, но люди в мире людей!

Южная Африка

Что за женщина жила
    (Бог ее помилуй!)
Не добра и не верна,
Жуткой прелести полна,
Но мужчин влекла она
    Сатанинской силой.
Да, мужчин влекла она
    Даже от Сен-Джаста,
Ибо Африкой была,
Южной Африкой была,
Нашей Африкой была,
Африкой – и баста!

В реках девственных вода
Напрочь пересохла,
От огня и от меча
Стала почва горяча,
И жирела саранча,
И скотина дохла.

Много страсти сберегла
Для энтузиаста,
Ибо Африкой была,
Южной Африкой была,
Нашей Африкой была,
Африкой – и баста!

Хоть любовники ее
Не бывали робки,
Уделяла за труды
Крохи краденой еды,
Да мочу взамен воды,
Да кизяк для топки.

Забивала в глотки пыль,
Чтоб смирнее стали,
Пронимала до кости
Лихорадками в пути,

И клялись они уйти
Прочь, куда подале.

Отплывали, но опять,
Как ослы, упрямы,
Под собой рубили сук,
Вновь держали путь на юг,
Возвращались под каблук
Этой дикой дамы.

Все безумней лик ее
Чтили год от года, –
В упоеньи, в забытии
Отрекались от семьи,
Звали кладбища свои
Алтарем народа.

Кровью куплена твоей,
Слаще сна и крова,
Стала больше, чем судьбой,
И нежней жены любой –
Женщина перед тобой
В полном смысле слова!

Встань! Подобная жена
Встретится нечасто –

Южной Африке салют,
Нашей Африке салют,
Нашей собственной салют
Африке – и баста!

Сассекс

Мы любим землю, но сердца
У нас не беспредельны,
И каждому рукой Творца
Дан уголок отдельный,
Чтоб он, как милосердный бог,
Трудясь над мирозданием,
Свой добрый мир построить мог
С божественным стараньем.

Балтийских сосен аромат
Нам дорог или звуки,
Что в пальмах пробудил пассат,
Летающий из Левуки?
Свой рай по сердцу выбирай,
А я, с судьбой не споря,
Люблю мой край, мой дивный край, –
Да, Сассекс мой у моря!

Не украшают ни сады,
Ни ласковые рощи
Китообразные гряды –
Один терновник тощий!
Зато – какая благодать! –
Просвет в нагой теснине
Нам позволяет увидеть
Уильд лесистый, синий.

Здесь полудик, небоязлив,
Дерн мудрый – нелюдимо
Прилег на меловой обрыв,
Как при солдатах Рима.

Где бившихся и павших след,
Превратной славы знаки?
Остались травы, солнца свет,
Курганы, бивуаки.

Тяжелый, крылья просолив,
Зюйд-вест летит вдоль пляжа.
Свинцовой линией пролив
Прочерчен против кряжа.
О том, что отмель скрыла мгла,
Здесь, на своем наречье,

Гремят судов колокола,
Бубенчики овечьи.

Здесь нет ключей, долин красы,
И только на вершине,
Без вод подспудных, пруд росы
Всегда есть в котловине.
Пророча летних дней конец,
Трава у нас не чахнет.
Ощипан овцами, чабрец
Восходом райским пахнет!

Безмолвием звенящим весь
Пронизан день прелестный!
Творца холмов мы славим здесь,
В забытой церкви местной.
Но есть иные божества.
Свой круг блюдет их ревность,
И, в тайнике его, жива
Языческая древность.

Достанься мне земель-сестер
Прекрасных наших сорок,
Я разрешил бы равных спор:
Мне старый Сассекс дорог!

Меж Темзою и Твидом край
Возьми любой зеленый.
Холмы мне дай, и Рейк, и Рай,
И берег укрепленный.

К изгибу горного хребта
Направлюсь против солнца.
На графства смотрит нагота
Верзилы Уильмингтонца.
Здесь Ротер, сделав круг, притих.
Он ищет, оробелый,
Прилива подле дамб сухих
Гордыни обмелелой!

Пушусь на север, в тишь дубрав,
В ущелья, к древним сням
Дубов, хоть ниже сорных трав
Мы в Сассексе их ценим!
Иль в Пиддингхо пойду, на юг:
Дельфином золоченым
Играет ветер, и на луг
Волы бредут по склонам.

Привычка, память и любовь
Твердят нам: «До кончины
Свой край всем сердцем славословь!
Ты и земля – едины!»
Не пробуй это побороть!
В тушик твой разум станет:
Из глины созданную плоть
К родимой глине тянет!

Мы любим землю, но сердца
У нас не беспредельны,
И каждому, рукой Творца,
Дан уголок отдельный.
Свой рай по сердцу выбирай,
А я, с судьбой не споря,
Люблю мой край, мой дивный к р а й , –
Да, Сассекс мой у моря!

* * *

Когда уже ни капли краски Земля не выжмет на
холсты,
Когда цвета веков поблекнут и наших дней
сойдут цветы,

Мы – без особых сожалений – пропустим
Вечность или две,
Пока умелых Подмастерьев не кликнет Мастер
к синеве.

И будут счастливы умельцы, рассевшись
в креслах золотых,
Писать кометами портреты – в десяток лиг
длиной – святых;
В натурщики Петра, и Павла, и Магдалину
призовут,
И просидят не меньше эры, пока не кончат
славный труд!

И только Мастер их похвалит, и только Мастер
попрекнет –
Работников не ради славы, не ради денежных
щедрот,
Но ради радости работы, но ради радости
раскрыть,
Какой ты видишь эту Землю, – Ему, велевшему
ей – быть!

Дурак

Жил-был дурак. Он молился всерьез
(Впрочем, как Вы и Я)
Тряпкам, костям и пучку волос –
Все это пустою бабой звалось,
Но дурак ее звал Королевой Роз
(Впрочем, как Вы и Я).

О, года, что ушли в никуда, что ушли,
Головы и рук наших труд –
Все съела она, не хотевшая знать
(А теперь-то мы знаем – не умевшая знать),
Ни черта не понявшая тут.

Что дурак растрянжирил, всего и не счесть
(Впрочем, как Вы и Я) –
Будущность, веру, деньги и честь.
Но леди вдвое могла бы съесть,
А дурак – на то он дурак и есть
(Впрочем, как Вы и Я).

О, труды, что ушли, их плоды, что ушли.
И мечты, что вновь не придут, —
Все съела она, не хотевшая знать
(А теперь-то мы знаем — не умевшая знать),
Ни черта не понявшая тут.

Когда леди ему отставку дала
(Впрочем, как Вам и Мне),
Видит бог! Она сделала все, что могла!
Но дурак не приставил к виску ствола.
Он жив. Хотя жизнь ему не мила.
Впрочем, как Вам и Мне).

В этот раз не стыд его спас, не стыд,
Не упреки, которые жгут, —
Он просто узнал, что не знает она,
Что не знала она и что знать она
Ни черта не могла тут.

Сухопутная почта

(Пешая служба на холмах)

Владычице Индии, почте – дорогу!
Хозяева Джунглей пускай отойдут.
В смятенье, в волненье деревья у лога –
Ждут писем из дома осевшие тут.
Проваливай, тигр! Убирайся, злодей,
С дороги владычицы Индии всей!

Звенят колокольцы, спускается тьма,
Тропой письмоносец восходит на склон.
Мешки на спине, вокруг шеи – тесьма,
К ремню поясному плакат прикреплен:
«Сегодня, прибывшую из-за морей,
Мы почту разносим по Индии всей».

Река на пути? Не пугает его.
Размыло тропу? Он идёт всё равно.

«Стой!» Буря ревёт? Ну и что ж из того.

Его не удержат ни «если», ни «но».
До вздоха последнего служит он ей –
Почте – владычице Индии всей!

Мелькают алоэ и розовый дуб,

Мелькают холмы, и долины, и сад.
Леса промелькнули и горный уступ –
Повсюду в сандалиях ноги летят.
Спешит от железки к домам средь полей
Почта – любимица Индии всей!
Песчинка на тракте, пятно у холма –
Внизу колокольцы на тропке звенят –
Вверху обезьянья видна кутерьма –
Природа не спит, и пылает закат,
Поскольку и солнце считается с ней –
С почтой – владычицей Индии всей!

Обрученный

Открой тот ящик старый, достань сигару мне.
Да! Все сойтись стремятся, лишь я и Мэгги –
нет.

Из-за Гаван мы в ссоре уже который год –
Она неколебима и всё кричит: «Ты – скот!»

Открой тот ящик старый. Взглянуть в него хочу
Там, под покровом дыма я Мэгги различу.

Свежа девчонка Мэгги, она волнует кровь.
Но как поблекнут щёки, закончится любовь.

В Ларанге – мир, и в Генри-Клей – покой, как
напоказ,
И лучшую сигару бросаешь через час.

Бросаешь ради той другой – коричневой,
тугой.

Но Мэгги бросить я не мог, боясь молвы
людской!

Ей – пятьдесят. Она стара, угрюма и седа.
И не иметь другой жены уже мне никогда.

Она – и свет прошедших лет, и дней
пришедших мрак,
Она – окурок мёртвый. Смердит её табак.

Она окурок мёртвый. Но всё вожусь я с ней
Вместо того, чтобы найти сигару поновей.

Открой тот ящик старый. Понять я должен
сам –
Здесь мягкая Манилла, жены улыбка – там.

Что выбрать лучше – рабство, жены обрыдшей
ласки
Или гарем смуглянок по пять десятков в связке?

И каждая – тихоня, и каждая – скромна,
И на своих соперниц не злится ни одна.

Мысль утренней зарёю, успокоенье в горе,
Мир в тишине вечерней, бальзам при
    разговоре.

Я пятьдесят бы выбрал. Живут они одним —
Сгореть в огне любовном и превратиться в дым.

Я пятьдесят бы выбрал. Когда они умрут,
Других пять раз по пятьдесят найду я в пять
    минут.

Поля далёкой Явы, богатый солнцем Юг,
Узнав, что пуст гарем мой, мне вновь пришлют
    подруг.

С едой для них, с одеждой не будет мне хлопот,
Пока выют гнёзда чайки и дождь на землю льёт.

Я их вдохну с ванилью, смягчу я чаем их,
Мормон усохнет, вызнав про чаровниц моих.

Так вот, мне Мэгги пишет, что выбрать должен я:
«Тебе дороже Ник О'Тин или любовь моя?»

Да, был Жрецом Любви я уж год наверняка,
Но был почти семь лет я слугою табака.

В борьбе, в работе, в дружбе сигара зажжена.
Тьма холостяцкой жизни вся ей озарена.

Гляжу в грядущее. Что ждёт в нём Мэгги
и меня?
Но там лишь огонёк любви мерцает, в топь
маня.

А может, хочет огонёк от топи увести?
И если скроет дым его, смогу ль за ним идти?

Открой тот ящик старый. Взгляну-ка ещё раз...
И вы, друзья, и Мэгги... О как мне жить
без вас?

Миллионы Мэгги не хотят ярмо своё сменить,
Но баба – только баба. С сигарой не сравнить.

Зажги-ка мне сигару. Скажу я без затей:
Быть без соперниц Мэгги – не быть женою ей.

ТОМЛИНСОН

И стало так! – усоп Томлинсон в постели на
Беркли-сквер,
И за волосы его схватил посланец надмирных
сфер.

Схватил его за волосы Дух и черт-те куда
повлек, –
И Млечный Путь гудел по пути, как вздутый
дождем поток.

И Млечный Путь отгудел вдали – умолкла
звездная марь,
И вот у врат очутились они, где сторожем
Петр-ключарь.

«Предстань, предстань и нам, Томлинсон,
четко и ясно ответь,
Какое добро успел совершить, пока не
пришлось помереть;
Какое добро успел совершить в юдоли скорби
и зла!»
И стала вмиг Томлинсона душа, что кость под
дождями, бела.
«Оставлен мною друг на земле – наставник
и духовник,
Сюда явись о н , – сказал Томлинсон, – изложит
все напрямик».
«Отметим: ближний тебя возлюбил, – но это
мелкий пример!
Ведь ты же, брат, у Небесных Врат, а это – не
Беркли-сквер;
Хоть будет поднят с постели твой друг, хоть
скажет он за т е б я , –
У нас – не двое за одного, а каждый сам за
себя».
Горе и долу зрел Томлинсон и не узрел ни
черта –

Нагие звезды глумились над ним, а в нем —
была пустота.

И ветер, дующий меж миров, взвизгнул, как
нож на ребре,

И стал отчет давать Томлинсон в содеянном им
дobre:

«Про это — я читал, — он сказал, — это —
слыхал стороной,

Про это думал, что думал другой о русской
персоне одной».

Безгрешные души толклись позади, как голуби
у летка,

А Петр-ключарь ключами бренчал, и злость
брала старика.

«Думал, читал, слышал, — он сказал, — это все
про других!

Во имя бывшей плоти своей реки о путях
своих!»

Вспять и встречу взглянул Томлинсон и не узрел
ни черта;

Был Мрак сплошной за его спиной,
а впереди — Врата.

«Это я знал, это – считал, про это – где-то
слыхал,
Что кто-то читал, что кто-то писал про шведа,
который пахал».

«Знал, считал, слы х а л, – ну и ну! – и сразу
лезть во Врата!
К чему небесам внимать словесам – меж звезд
и так теснота!

За добродетели духовника, ближнего или
родни
Не обретет Господних щедрот пленник земной
суетни.

Отыди, отыди ко Князю Лжи, твой жребий не
завершен!
И.. да будет вера твоей Беркли-сквер с тобою
там, Томлинсон!»

.....
Волок его за волосы Дух, стремительно падая
вниз,

И возле Пекла поверглись они, Созвездья
Строптивости близ,

Где звезды красны от гордыни и зла, или белы
от невзгод,
Или черным-черны от греха, какой и пламя
неймет.

И длят они путь свой или не длят – на них
проклятье пустынь;
Их ни одна не помянет душа – гори они или
стынь.

А ветер, дующий меж миров, так выстудил
душу его,
Что адских пламён искал Томлинсон, как очага
своего.

Но у решетки Адовых Врат, где гиблых душ не
сочтешь,
Дьявол пресек Томлинсонову прыть, мол, не
ломись – не пройдешь!

«Низко ж ты ценишь мой у г о л е к , – сказал
Поверженный К н я з ь , –
Ежели в Ад вознамерился влезть, меня о том не
спросясь!

Я слишком с Адамовой плотью в родстве, мной
небрегать не резон,

Я с Богом скандалю из-за него со дня, как
создан был он.

Садись, садись на изгарь и мне четко и ясно
ответь,
Какое зло успел совершить, пока не пришлось
помереть».

И Томлинсон поглядел горе и увидел в Адской
Дыре
Чрево кроваво-красной звезды, казнимой
в жуткой жаре.

И долу Томлинсон поглядел и увидел сквозь
Адскую Мглу
Темя молочно-белой звезды, казнимой в жутком
пылу.

«В былые дни на з е м л е , – он с к а з а л , – меня
обольстила одна,
И, если ты ее призовешь, на все ответит она».

Учтем: не глуп по части пр е л ю б , – но это
мелкий пример!
Ведь ты же, брат, у Адовых Врат, а это – не
Беркли-сквер;

Хоть свистнем с постели твою любовь — она не
придет небось!

За грех, совершенный двоими вдвоем, каждый
ответит поврозь!»

А ветер, дующий меж миров, как нож его
потрошил,

И Томлинсон рассказывать стал о том, как
в жизни грешил:

«Однажды я взял и смерть осмел, дважды —
любовный искус,

Трижды я Господа Бога хулил, чтоб знали,
каков я не трус».

Дьявол печеную душу извлек, поплевал
и оставил стыть:

«Пустая тщета на блажного шута топливо
переводить!

Ни в пошлых шутках не вижу цены, ни в глупом
фиглярстве твоём,

И незачем мне джентльменов будить, спящих
у топки втроем!»

Участия Томлинсон не нашел, встречу
воззрившись и вспать.

От Адовых Врат ползла пустота опять в него
и опять.

«Я же слышал, – сказал Томлинсон. – Про это
ж была молва!

Я же в бельгийской книжке читал французского
лорда слова!»

«Слышал, читал, узнал – ну и ну! – мастер ты
бредни молоть!

Сам ты гордыне своей угождал? Тешил
греховную плоть?»

И Томлинсон решетку затряс, вопя: «Пусти
меня в Ад!

С женою ближнего своего я плотски был
близковат!»

Дьявол слегка ухмыльнулся и сгреб уголья
в жаркий суслон:

«И это ты вычитал, а, Томлинсон?» – «И
это!» – сказал Томлинсон.

Нечистый дунул на ногти, и вмиг отряд бесенят
возник,

И он им сказал: «К нам тут нахал мужеска пола
проник!

Просеять его между звездных сит! Отсеять
малейший прок!
Адамов род к упадку идет, коль таким вверил
порок!»

Эмпузина рать, не смея взирать в огонь из-за
голизны
И плачась, что грех им не дал у т е х , – по
младости, мол, не грешны! –

По углям помчалась за сирой душой, копаясь
в ней без конца;
Так дети шарят в вороньем гнезде или в ларце
отца.

И вот, клочки назад притащив, как дети,
натешившись впрок,
Они доложили: «В нем нету души, какую
снабдил его Бог!

Мы выбили бред брошюр, и газет, и книг,
и вздорный сквозняк,
И уйму краденых душ, но его души не найдем
никак!

Мы катали его, мы мотали его, мы пытали его
огнем,

И, если как надо был сделан досмотр, душа не находится в нем!»

Нечистый голову свесил на грудь и басовито изрек:

«Я слишком с Адамовой плотью в родстве, чтоб этого гнать за порог.

Здесь Адская Пасть, и ниже не пасть, но если б таких я впускал,

Мне б рассмеялся за это в лицо кичливый мой персонал;

Мол, стало не пекло у вас, а бордель, мол, я не хозяин, а мот!

Ну, стану ль своих джентльменов я злить, ежели гость – идиот?»

И Дьявол на душу в клочках поглядел, ползущую в самый пыл,

И вспомнил о Милосердьи Святом, хоть фирмы честь не забыл.

«И уголь получишь ты от меня, и сковородку найдешь,

Коль сам душекравцем ты выдумал с т а т ь», – и сказал Томлинсон: «А кто ж».

Враг Человеческий сплюнул слегка – забот
в его сердце несть:
«У всякой блохи поболее грехи, но что-то,
видать, в тебе есть!

И я бы тебя бы за это впустил, будь я хозяин
один,
Но свой закон Гордыне вменен, и я ей не
господин.

Мне лучше не лезть, где Мудрость и Честь,
согласно проклятью, сидят!
Тебя же вдвоем замучат живьем Блудница сия
и Прелат.

Не дух ты, не гном ты, не книга, не з в е р ь , –
держал он далее р е ч ь , –
Ты вновь обрети человечье лицо, греховное тело
сиречь.

Я слишком с Адамовой плотью в родстве,
шутить мне с тобою не след.
Ступай хоть какой заработай грешок! Ты –
человек или нет!

Спеш! В катафалк вороных запряги. Вот-вот
они с места возьмут.
Ты скверне открыт, пока не зарыт. Чего же ты
мешкаешь тут?

Даны зеницы тебе и уста, изволь же их
отверзать!
Неси мой глагол Человечьим Сынам, пока не
усопнешь опять:

За грех, совершенный двоими вдвоем, поврозь
подобьют итог!
И... да поможет тебе, Томлинсон, твой
книжный заемный Бог!»

Баллада о Востоке и Западе

*Запад есть Запад, Восток есть Восток, не
встретиться им никогда —
Лишь у подножья Престола
Боясь, в день Страшного суда!*

*Но нет Востока и Запада нет, если двое сильных
мужчин,
Рожденных в разных концах земли, сошлись один
на один.*

Летит взбунтовать пограничный край со своими
людьми Камал.

Кобылу, гордость полковника, он сегодня
ночью украл.

Копыта ей обмотав тряпьем, чтоб не слышен
был стук подков,

Из конюшни вывел ее чуть свет, вскочил – и
был таков!

Свой взвод разведчиков тогда созвал
полковника сын:

«Ужель, где прячется Камал, не знает ни один?»

Сын рессалдара, Мохаммед-Хан, встал и
сказал в ответ:

«Кто ведает, где ночевал т у м а н , – найдет
Камалов пикет!

В сумерки он абазаяв громил, рассвело – в
Бонэре ищи!

Но должен объехать он форт Бакло, чтоб из
дому взять харчи.

Если бог поможет, вы, без препон, как птицы,
летите вдогон
И его отрежьте от форта прежде, чем достигнет
ущелья он!

Но если теснины джагаев достиг – назад
поверните коней!
Не мешкай нимало; людей Камала тьма-
тьмущая прячется в ней.

Справа скала, слева скала, колючая порось
мелка.

Чуть не в упор щелкнет затвор – но не видать
стрелка!»

Полковничий сын прыгнул в седло. Буланный
объезжен едва:

Хайло – что колокол, сердце – ад, как
виселица – голова!

До форта полковничий сын доскакал, но к еде
душа не лежит:

Тот жаркому не рад, от кого конокрад, вор
пограничный бежит.

Из форта Бакло во весь опор всадник погнал
жеребца
И в ущелье джагаев, коня измаяв, заметил
кобылу отца.

Он в ущелье заметил кобылу отца и Камала
у ней на хребте.
Ее глаза белок различив, он курок дважды
взвел в темноте.

Мгновенье спустя две пули, свистя, прошли
стороной.

«Ты — стрелок
Не хуже солдата, — молвил Камал. — Покажи,
каков ты ездок!»

В узкой теснине, как смерч в пустыне, мчались
ночной порой.
Кобыла неслась, как трехлетняя лань, конь —
как олень матерой.

Голову кверху Буланый задрал и летел, закусив
удила,
За гнедой лошадкой, что, с гордой повадкой,
треньзелями играя, шла.

Справа скала, слева скала, колючая поросль
мелка,
Трижды меж гор щелкнул затвор, но не видать
стрелка.

Зорю дробно копыта бьют. В небе месяц поник.
Кобыла несется, как вспугнутый зверь,
Буланый – как раненый бык.

Но рухнул безжизненной грудой в поток
Буланый на всем скаку.
Камал, повернув кобылу, помог выпутаться
седоку.

И вышиб из рук у него пистолет – как биться
в такой тесноте?
«Если доселе ты жив – скажи спасибо моей
доброте!

Скалы нет отвесной, нет купы древесной на
двадцать миль кругом,
Где не таился б мой человек со взведённым
курком.

Я руку с поводьями к телу прижал, но если
б я поднял ее,

Набежали б чекалки, и в неистовой свалке
пировало б нынче зверье.

Я голову держал высоко, а наклони я лоб,
Вон тот стервятник не смог бы взлететь, набив
до отвала зоб».

«От п и р а , – сказал полковничий с ы н , –
шакалам не будет беды.

Прикинь, однако, кто придет за остатками еды.
Если тысячу сабель пошлют сюда за моими
костями вслед,
Какой ценой пограничный вор оплатит
шакалий обед?

Скормят коням хлеб на корню, люди съедят
умолот,
Крыши хлевов предадут огню, когда перебьют
ваш скот.

Коль скоро сойдемся в цене – пировать братьев
зови под утес!

Собачье племя – шакалье семя! Что ж ты не
воешь, пес?

Но если в пожитках, зерне и быках цена
высока, на твой в з г л я д , –

Тогда отдай мне кобылу отца. Я пробью дорогу назад!»

Камал помог ему на ноги встать: «Не о собаках толк

Там, где сошлись один на один бурый и серый волк!

Пусть ем я грязь, когда причину тебе малейшее зло!

Откуда – из чертовой прорвы – тебя со смертью шутить принесло?»

Он ответил: «Привержен я крови своей до скончания дней!

Кобылу в подарок прими от отца. Мужчина скакал на ней!»

Сыну полковника ткнулись в грудь ноздри лошадки гнедой.

«Нас двое сильных, – сказал Камал, – но ей милей молодой!»

В приданое даст похититель ей серебряные стремяна,

Узду в бирюзе, седло и чепрак узорный получит она».

Тогда, держа за ствол пистолет, полковника
сын говорит:

«К тому, который ты взял у врага, друг тебе
пару дарит!»

«Дар за д а р , – отозвался К а м а л , – риск за
риск: обычай для всех один!

Отец твой сына ко мне послал. Пусть едет
к нему мой сын!»

Он свистнул сыну, и с гребня скалы обрушился
тот стремглав.

Стройнее пики, он был как дикий олень среди
весенних трав.

«Вот господин твой! – сказал К а м а л . – Бок
о бок с ним скача,

Запомни, ты – щит, что вечно торчит у левого
плеча!

Твоя жизнь – его, и судьба твоя – отвечать за
него головой,

Покуда узла не развяжет смерть либо родитель
твой!

Хлеб королевы ты должен есть: флаг ее – твой
флаг –

И нападать на владенья отца: враг ее – твой
враг!

Ты конником должен стать лихим и к власти
путь прорубить.

Когда в Пешаваре повесят меня – тебе
рессалдаром быть!»

Они заглянули друг другу в глаза, и был этот
взгляд глубок.

На кислом хлебе и соли они дали братства
зарок.

И, вырезав хайберским ножом свежего дерна
кусок,

Именем божьим, землей и огнем скрепили они
зарок.

На гнедой кобыле – полковничий сын, на
Буланом – Камалов с ы н , –

Вдвоем подскакали к форту Бакло, откуда
уехал один.

У караульни блеснуло враз двадцать клинков
наголо:

Пламя вражды к жителю гор каждое сердце
жгло.

«Отставить! – крикнул полковника сын. – В
ножны вложите булат!

Вчера он был пограничный вор, сегодня – свой
брат, солдат!»

*Запад есть Запад, Восток есть Восток, не
встретиться им никогда –
Лишь у подножья Престола Божья, в день Страшного
суда!*

*Но нет Востока и Запада нет, если двое сильных
мужчин,
Рожденных в разных концах земли, сошлись один
на один.*

Генерал Жубер

(Умер 27 марта 1900)

Он не был с теми, кто морями слез
Залил селенья и зажег пожар,

Он, непреклонный, жизнь свою принес
Потерянному делу в тщетный дар.

В народе сильном, кованном в огне,
Едином от сражений и побед,
Без злобы говорящем о войне,
О нем не раз расскажет внуку дед.

Быть может, он не бросится вперед
В последнем городе, в пустом к р а ю ,—
Все ж над его могилой пропоет
Наш гулкий залп в ответ его ружью.

Дамбы

Мы не ловим рыб в потоках, в лес не ходим за
добычей,
Не сжимаем крепких весел — нам отцовский
чужд обычай.
Угрызенья и сомненья настигают нас везде,
Нет нам счастья в трудном хлебе, нет нам
отдыха в труде.

Отвоевана у моря суша узкою полоской,
За плотины, молы, шлюзы уходя равниной
    плоской,
Мирный дом от работающих получили мы отцов,
Но вода размочит насыпь и прорвет в конце
    концов.

Подступают к стенам волны, закипают,
    приливая,
Там заржавели ворота, там, подгнив, упала
    свая,
Перекатывая гальку, лижет отмели вода,
И не знаем мы, насколько дамба внешняя
    тверда.

В первый раз ступаем робко вдоль
    хранительного вала,
Никакая буря дамбу при отцах не прорывала,
Был взъяренный шквал пугающ, был нависший
    свод свинцов,
Мы бежали под защиту осмотровых отцов.

В первый раз идем по толям, где, покорные
    бессилью,
Блики солнечные гаснут, с тусклой смешиваясь
    пылью,

Над ревушим морем запад рассыпается золой,
Ночь, стучаясь, дышит в спину, оглушает
ветер злой.

Над соленой влагой пастбищ нарастает рев
коровий,
Странным бегством скот напуган, фонарями
цвета крови.

Утонуть не дайте стаду, прочь губительный
засов!

По каналам хлещет море, устремляясь в глубь
лесов.

Грозно вал растет девятый над беспомощной
плотиной,

Наползает сверху, давит, брызжет пеной,
галькой, тиной,

Вымывает вереск, прутья, груды глины
и п е с к а , —

Так зубами рвет солому конь, сваливший
седока.

Сберегайте хворост, паклю, деготь, факельное
масло,

До утра следите, братья, чтобы пламя не
погасло!

На сигнальной башне ночью не усните,
звонари! –
Неизвестно, что откроет нам тревожный свет
зари.

Мы должны дождаться утра, бесконечный стыд
изведав.

Эти насыпи достались нам от прадедов и дедов.
Но о плюзах мы забыли, не желая стать
резвей:

Мы, предав завет отцовский, погубили
сыновей.

Молча бродим мы по дамбам, сторонясь щелей
и трещин,

Долгий мир на твердой суше был отцами нам
завещан,

О фашинах думать поздно: прежний мир
недостижим.

Прочь идем, и дом отцовский сердцу кажется
чужим.

Гиены

Когда похоронный патруль уйдет
И коршуны улетят,
Приходит о мертвом взять отчет
Мудрый гиен отряд.

За что он умер и как он жил —
Это им все равно.
Добраться до мяса, костей и жил
Им надо, пока темно.

Война приготовила пир для них,
Где можно жрать без помех.
Из всех беззащитных тварей земных
Мертвец беззащитней всех.

Козел бодает, воняет тля,
Ребенок дает пинки.
Но бедный мертвый солдат короля
Не может поднять руки.

Гиены вонзают в песок клыки,
И чавкают, и рычат.
И вот уж солдатские башмаки
Навстречу луне торчат.

Вот он и вышел на свет, с о л д а т, —
Ни друзей, никого.
Одни гиены глаза глядят
В пустые зрачки его.

Гиены и трусов и храбрецов
Жуют без лишних затей,
Но они не пятнают имен мертвецов:
Это — дело людей.

Старики

Мы лучших друзей пережили — такой уж нам
выпал удел,
И лучшие годы, промчавшись, нам только
прибавили дел,
И пока есть дыханье в груди и головы вроде
резвы,
Мы считаем себя живыми, а приглядишься —
мертвы.
Мы признать не желаем, что к звездам иным
устремляются первопроходцы

(Так весной зацветают кусты, но пусты
потерявшие воду колодцы),
И нельзя новым людям без новых путей, новых
карт, новых румбов и лоций.

Мы веревками, прежде стеснявшими нас,
нашим внукам опутаем руки,
Мы течение речное назад повернем, возвращая
в былые излучи,
Мы коней запряжем (Бледной Смерти Коней)
и распашем пески по науке.

Мы ослепшие рухнем у пыльной тропы и лучам
свои бельма откроем,
Мы к закату поднимемся и прохрипим: «Новый
день воссияет героям!»
Мы дождемся победы и только тогда вступим
в бой малочисленным строем.

Размочалим, раздернем, растреплем, протрем,
перешамкаем и пересудим
Стародавнюю ветошь взаимных обид,
ненавистную Богу и лю д я м , —
Как стервятники над потрохами быка,
подеремся, давясь словоблудьем.

Мы комических призраков славы былой из
чуланов повиытащим разных.

Соскребая с нечищенных, тощих палитр
сгустки красок, от времени грязных,
И соседи всплакнут, оборвав наш рассказ
о любовных и прочих соблазнах.

В нашей жизненной лампе фитиль догорел,
а нам чудятся новые весны,
Не нахвалимся мы на работу свою – для
домашних, для близких несносны!
Улыбаемся, руки скрестив на груди,
и сплянем беззубые десны.

Мы столько друзей пережили: мы живем
слишком долго, пойми!

Мы в тягость земле и небу, ненавидимые
людьми!

Совет мой: «Сложи оружие!» Но правды
не утаю:

Кто бросил строй раньше смерти, с рожденья
не был в строю.

Бремя белого человека

Неси это гордое Бремя –
Родных сыновей пошли
На службу тебе подвластным
Народам на край земли –
На каторгу ради угрюмых
Мятущихся дикарей,
Наполовину бесов,
Наполовину людей.

Неси это гордое Бремя –
Будь ровен и деловит,
Не поддавайся страхам
И не считай обид;
Простое ясное слово
В сотый раз повторяй –
Сей, чтобы твой подопечный
Щедрый снял урожай.

Неси это гордое Бремя –
Воюй за чужой покой –

Заставь Болезнь отступиться
И Голоду рот закрой;
Но чем ты к успеху ближе,
Тем лучше распознаешь
Языческую Нерадивость,
Предательскую Ложь.

Неси это гордое Бремя
Не как надменный король –
К тяжелой черной работе,
Как раб, себя приневольт;
При жизни тебе не видеть
Порты, шоссе, мосты –
Так строй их, оставляя
Могилы таких, как ты!

Неси это гордое Бремя –
Ты будешь вознагражден
Придирками командиров
И криками диких племен:
«Чего ты хочешь, проклятый,
Зачем смущаешь умы?
Не выводи нас к свету
Из милой Египетской Тьмы!»

Неси это гордое Бремя –
Неблагодарный труд, –
Ах, слишком громкие речи
    Усталость твою выдают!
Тем, что ты уже сделал
    И сделать еще готов,
Молчащий народ измерит
    Тебя и твоих Богов.

Неси это гордое Бремя –
    От юности вдалеке
Забудешь о легкой славе,
    Дешевом лавровом венке –
Теперь твою возмужалость
    И непокорность судьбе
Оценит горький и трезвый
    Суд равных тебе!

Гимн перед битвой

Земля дрожит от гнева,
И темен океан,
Пути нам преградили
Мечи враждебных стран:
Когда потоком диким
Нас потеснят враги,
Иегова, Гром небесный,
Бог Сечи, помоги!

С высоким, гордым сердцем,
Суровые в борьбе,
С душою безмятежной
Приходим мы к тебе!
Иной неверно клялся,
Иной бежал, как тать,
Ты знаешь наши сроки –
Дай сил нам умирать!

А тем, кто с нами разом
Зовет богов иных,

Слепой и темный разум
Прости за веру их!
Мы к ним пришли, как к братьям,
Позвали в страшный час –
Их не рази проклятьем,
Их грех лежит на нас!

От гордости и мести,
От низкого пути,
От бегства с поля чести
Незримо защити.
Да будет недостойным
Покровом благодать,
Без гнева и спокойно
Дай смерть Твою принять!

Мария, будь опорой,
Защитой без конца
Душе, что встанет скоро
Перед лицом Творца.
Мы все среди мучений
От женщин родились –
За верного в сраженье,
Мадонна, заступись!

Нас поведут к победам,
Мы смерть несем врагам,
Как помогал Ты дедам,
Так помоги и нам.
Великий и чудесный,
И светлый в смертный час,
Йегова, Гром небесный,
Бог Сеч, услыши нас!

Загадка ремесел

Новорожденного солнца блеск зажегся над
райской глиной,
Под деревом праотец наш Адам чертил что-то
палкой длинной,
И сердце возрадовалось его, рисунком простым
согрето.
«Прекрасно, – в листе прошипел С а т а н а , – но
разве искусство это?»

Тут Еву позвал первый в мире муж и заново
дело начал,
Ни для кого человеческий суд так много потом не
значил.
Он мудрость свою завещал сыновьям, но был
Сатана неприкаянн:
«Так это искусство?» – язвил он впотьмах,
и слушал злокозненный Каин.

До неба построили башню они, ни в чем не
встречая запрета.
«Не плохо, – ворчал на лесах С а т а н а , – но
разве искусство это?»
Не скрипнет лебедка, не взвизгнет пила, не
звякнет резец в Междуречье:
Здесь каждый отстаивать правоту на
собственном стал наречье.

От Юга до Севера бились они, от Запада до
Востока,
И вздыбились воды, и грянул потоп, решив
покарать их жестоко.
Земля отдыхала, но Голубь уже клевал
парусину рассвета.

«Гуманно, – под килем бурлил С а т а н а , – но
разве искусство это?»

Как Древо Познания, рассказ этот стар и юн,
как молочные зубы.

Слова божества мы слышим, едва пушком
покрываются губы.

Но знает любой, что день голубой погаснет
и в сумраке где-то

«Ты м а с т е р , – шепнет старику С а т а н а , – но
разве искусство это?»

Нам Древо Познания легко обстругать под
гвоздь деревянный для рясы,

В протухшем желтке для любого из нас
прародич живет седовласый,

Мы знаем, виляет собакою хвост, и тащит
кобылу к а р е т а , –

«Умно! – как и прежде шипит С а т а н а , – но
разве искусство это?»

В диванные лондонских клубов закат врывается
золотом линий,
Сидят за столами Адама сыны и перьями водят
по глине,
По глине табличек, по глине могил – струится
чернилами Лета:
«Прелестно, – в листе шелестит С а т а н а , – но
разве искусство это?»

Попасть бы нам в сад, где четыре реки, найти
бы эдемское Древо,
Поднять бы венок с бархатистой травы, тобою
оставленный, Ева!
Мы спящего стража смогли б миновать,
подкрались бы тихо к подножью
И то, что узнал прародитель Адам, узнали бы
милостью Божью!

Воин каменного века

Воин каменного века, дикий предок человека,
Знаю я, что значит удаль, кровь и страх,
Ради окороков дымных в пламенных я славил
гимнах
Мой народ при пламенеющих кострах.

Мы охотились на льдинах в теплых шкурах
лошадиных
На заре доисторической весны,
И торосами сверкая, громоздилась ввысь
Бискайя,
Гномы, тролли населяли наши сны.

Но в стихах моих изьяны мой соперник
постоянный
В солютрейскую эпоху отыскал, –
Был заколот пустомеля вместе с парнем из
Гренеля,
С тем, что мамонтов на скалах высекал!

Топором из диорита голова у них обрита,
Псы наелись, мясо с ребер ободрав.
В амулет связал я зубы и от крови вытер губы:
Кто осмелится сказать, что я неправ?

Но себя я смехом выдал: со столба сошел
мой идол
И приснился мне гремящим по лесам:
«Никакой канон не тесен для дикарских наших
песен,
А сто первый или первый – думай сам!»

.....

Тут, облекшись плотью белой, ослабелый,
оробелый,
Перенесся в Лондон я, покуда спал,
Подшутить решило Время: в поэтическое племя
Я, шагнув через столетия, попал.

По-пещерному сердиты здесь коллеги-
троглодиты,
Задирающие зубра на снегу,

Сжеван автор, не растрогав толстосумов
аллоброгов
В свайных хижинах на бёрнском берегу.

В христианский век ученый здесь для битвы
утонченной
Не жалеют кулаков, ногтей и стрел,
Над невыдубленной шкурой похваляется
культурой
Кто в дубильном деле не поднаторел.

Но при всем при том правдиво, что садов
британских диво
Без трудов произрастает в Катманду:
Мир пестреет, не скудея, и «ламбетского
злодея»
В Мартабанах бы не предали суду.

Эту мудрость поколений я впитал, когда олени
На Монмартре разбрелись по лесам:
«Никакой канон не тесен для дикарских наших
песен,
А сто первый или первый – думай сам!»

Дар моря

Младенец мертвый в саване спал,

Над ним вдова не спала.

Спала ее мать. Течение вспять

Буря в проливе гнала.

Вдова смеялась над бурей и тьмой.

«Мой муж утонул в волне,

Мой ребенок мертв, – шептала она, –

Чем еще ты грозишься мне?»

И она глядела на детский труп, –

А свеча почти оплыла, –

И стала петь Отходную Песнь,

Чтоб скорей душа отошла.

«Прибери Богоматерь в ненастную ночь

Тебя от моей груди

И постель застели твою...» – пела она,

Но не смела сказать «Иди!»

И тут с пролива донесся крик,

Но стекла завесила мгла.

«Слышишь, мама! – сказала старухе она. –

Нас душа его позвала!»

Старуха горько вздохнула в ответ:
«Там овца ягнится в кустах.
С чего бы крещеной безгрешной душе
Звать и плакать впотьмах!»

«О ножки, стучавшие в сердце мое!
О ручки, сжимавшие грудь!
Как смогут дорожку они отыскать?
Как смогут замки отомкнуть?»

И постлали они простыню у дверей
И лучшее из одеял,
Чтоб в холод и тьму не продрогнуть ему.
Но плач во мгле не смолкал.

Вдова подняла засов на дверях,
Взгляд напрягла, как могла,
И открыла дверь, чтоб душа теперь
Без помехи прочь отошла.

Во тьме не мерцали ни искра, ни дух,
Ни призрак, ни огонек.
И «Ты слышишь, м а м а , – сказала о н а , –
Он зовет меня за порог!»

Старуха пуще вздохнула в ответ:
«Скорбящий глух и н е з р я ч , –

Это крачки испуганные кричат
Или чайки заблудшей плач!»

«Крачек с моря ветер прогнал в холмы,
Чайка в поле за плугом идет;
Не птица во тьме послышалась мне —
Это он меня в ночь зовет!»

«Не плачь, родная моя, не плачь,
У младенца пути свои.
Не даст житья тебе скорбь твоя
И пустые руки твои!»

Но она отстранила мать от дверей:
«Матерь Божия, быть посему!
Не пойду — спасенья душе не найду!»
И пошла в зовущую тьму.

На закиданном водорослями молу,
Где ветер мешал идти,
Во тьме на младенца наткнулась она,
Чью жизнь опоздала спасти.

Она прижала дитя к груди
И назад к старухе пошла,
И звала его, как сынка своего,
И понапрасну звала.

На грудь ей с найденыша капли текли.
Ее собственный в саване спал.
И «Помилуй нас, Боже! – сказала она . –
Давших Жизни угаснуть в шквал».

Марфины сыны

Мариины сыны – вне срока, и Рока сломана
печать.
А Марфины сыны – глубоко и безнадежно
любят мать.
Она была страшна во злобе и даже с Господом
груба.
А сыновья – ее подобья; их ждут работа
и борьба.
Марииных сынов обстали навеки Марфины
сыны,
Жмут на гашетки и педали в годину мира
и войны.
Мотор и тормоз их забота, бесперебойный стук
колес:

Необходимо, чтобы кто-то сынов Марии
вез и нес.

Они умеют двигать горы и осушать иной поток.
Для их всегдашнего напора – пик высочайший
невысок.

Они, сровняв холмов вершины, там разбивают
пышный сад –

И в нем, не ведая кручины, сыны Марии
кротко спят.

Они, от смерти на перчатку, перебирают
провода:

Там ток, попав в стальную хватку, нехватку
чувствует всегда –

Нехватку выхода для мощи, голодной ярости
огней. –

Они обходятся с ним проще, чем Бог – со
скопищем свиней.

У них нет времени на Веру и ни минуты – на
Покой.

Они в подземную пещеру вступают, как
в алтарь святой,

Ища ключи, что бьют из бездны, и пригоняя их
струю,

В трубе стеснив ее железной, к воды лишенному
жилью.

Они не молят о спасенье, когда удел —
невыносим,
Не проповедуют прощенья как оправданья
малым сим,
Они во тьме, они в пустыне стоят, не дрогнув,
на посту,
Чтоб братьям их в земной долине жилось легко
и на свету.

Подынешь камень, лес повалишь, расчистишь
вид, проложишь п у т ь , —
Но если рук не раскровавишь, — ты не из
Марфиных, отнюдь!
Ристался с Господом Иаков — невесть когда,
невесть зачем.
Их труд — и прост, и одинаков, и одинако
нужен всем.

Мариины сыны блаженны — за них и с ними
Небеса
И благодать, — и, несомненно, они творили
чудеса.

Они, внимая, понимают Господне Слово,
Вечный Зов.
Они на Бога уповают, а Бог – на Марфиных
сынов!

Эпитафии

Политик

Я трудиться не сумел, грабить не посмел,
Я всю жизнь свою с трибуны лгал доверчивым
и юным,
Лгал – птенцам.
Встретив всех, кого убил, всех, кто мной
обманут был,
Я спрошу у них, у мертвых, – быют ли на том
свете морду
Нам – лжецам?

Эстет

Я отошел это сделать не там, где вся солдатня.
И снайпер в ту же секунду меня на тот свет
отправил.
Я думаю, вы не правы, высмеивая меня,
Умершего принципиально, не меня своих
правил.

Командир морского конвоя

Нет хуже работы – пасти дураков,
Бессмысленно храбрых – тем более.
Но я их довел до родных берегов
Своею посмертною волею.

Бывший клерк

Не плачьте! Армия дала
Свободу робкому рабу.
За шиворот приволокла
Из канцелярии в судьбу,

Где он, узнав, что значит смерть,
Набрался храбрости – любить,
И, полюбив – пошел на смерть,
И умер. К счастью, может быть.

Новобранец

Быстро, грубо и умело за короткий путь земной
И мой дух и мое тело вымуштровала война.
Интересно, что способен сделать бог со мной
Сверх того, что уже сделал старшина?

Ординарец

Я знал, что мне он подчинен и чтоб спасти
меня – умрет.
Он умер, так и не узнав, что надо б все
наоборот!

Двое

А. – Я был богатым, как раджа.
Б. – А я был беден.

Вместе. – Но на тот свет без багажа
Мы оба едем.

Денни Дивер

- О чем с утра трубят рожки? – один из нас сказал.
- Сигналят сбор, сигналят с б о р , – откликнулся капрал.
- Ты побелел как полотно! – один из нас сказал.
- Я знаю, что покажут н а м , – откликнулся капрал.
Будет вздернут Денни Дивер ранним-рано
на заре,
Похоронный марш играют, полк построился
в каре,
С плеч у Денни рвут нашивки – на
казарменном дворе
Будет вздернут Денни Дивер рано
утром.
- Как трудно дышат за спиной , – один из нас сказал.

- Хватил мороз, хватил м о р о з , – откликнулся капрал.
- Свалился кто-то в п е р е д и , – один из нас сказал.
- С утра печет, с утра п е ч е т , – откликнулся капрал.
Будет вздернут Денни Дивер, вдоль шеренг ведут его,
У столба по стойке ставят, возле гроба своего,
Скоро он в петле запляшет, как последнее стервцо!
Будет вздернут Денни Дивер рано утром.
- Он спал направо от м е н я , – один из нас сказал.
- Уснет он нынче д а л е к о , – откликнулся капрал.
- Не раз он пиво ставил м н е , – один из нас сказал.
- Он хлещет горькую о д и н , – откликнулся капрал.
Будет вздернут Денни Дивер, по заслугам приговор:

- Он убил соседа сонным, на него взгляни
в упор,
Земляков своих бесчестье и всего полка
позор —
    Будет вздернут Денни Дивер рано
    утром!
- Что это застит белый свет? — один из нас
сказал.
- Твой друг цепляется за ж и з н ь , —
откликнулся капрал.
- Что стонет там, над головой? — один из нас
сказал.
- Отходит грешная д у ш а , — откликнулся
капрал.
Кончил счета Денни Дивер, барабаны бьют
поход,
Полк построился колонной, нам
командуют: — Вперед!
Хо! — трясутся новобранцы, промочить бы
пивом р о т , —
    Нынче вздернут Денни Дивер рано
    утром.

Фуззи-Вуззи

(Суданские экспедиционные части)

Знавали мы врага на всякий вкус:
Кто похрабрей, кто хлипок, как на грех,
Но был не трус афганец и зулус,
А Фуззи-Вуззи – этот стоил всех!
Он не желал сдаваться, хоть убей,
Он часовых косил без передышки,
Засев в чащобе, портил лошадей
И с армией играл, как в кошки-мышки.
За твое здоровье, Фуззи, за Судан,
страну твою,
Первоклассным, нехристь голый, был ты
воином в бою!
Билет солдатский для тебя мы выправим
путем,
А хочешь поразмяться, так распишемся
на нем!
Вгонял нас в пот Хайберский перевал,
Нас дуриком, за милю, шлепал бур,
Мороз под солнцем Бирмы пробирал,

Лихой зулус ошпиывал, как кур,
Но Фуззи был по всем статьям мастак,
И сколько ни долдонили в газетах:
— Бойцы не отступают ни на шаг! —
Он колошматил нас и так, и этак.
    За твоё здоровье, Фуззи, за супругу
    и ребят!
    Был приказ с тобой покончить, мы
    успели в аккурат.
    Винтовку против лука честной не
    назвать игрой,
    Но все козыри побил ты и прорвал
    британский строй!
Газеты не видал он никогда,
    Медалями побед не отмечал,
Так мы расскажем, до чего удал
    Удар его двуручного меча!
Он из кустиков на голову кувырк
    Со щитом, навроде крышки гробовой, —
Всего денек веселый этот цирк,
    И год бедняга Томми сам не свой.
    За твоё здоровье, Фуззи, в память тех,
    с кем ты дружил,
    Мы б оплакали их вместе, да своих не

счесть могил.
Но равен счет – мы присягнем, хоть
Библию раскрой;
Пусть потерял ты больше нас, ты смял
британский строй!
Ударим залпом, и пошел бедлам:
Он ныряет в дым и с тылу мельтешит.
Это прямо порох с перцем пополам,
И притворщик, если мертвый он лежит.
Он – ягненок, он – мирный голубок,
Попрыгунчик, соскочивший со шнурка,
И плевать ему, куда теперь пролег
Путь Британского Пехотного Полка!
За твое здоровье, Фуззи, за Судан,
страну твою,
Первоклассным, нехристь голый, был ты
воином в бою!
За здоровье Фуззи-Вуззи, чья башка
копна копной:
Чертов черный голодранец, ты прорвал
британский строй!

Ганга Дин

Говори про джин, про эль
Там, за тридевять земель,
Где бои в неделю раз, как в Андершоте.
Ну, а раз попал сюда,
Знай: всего ценней вода,
Кто сумел ее добыть, тот и в почете.
В Индии стоит наш полк –
Королевской службы долг,
И скажу как на духу вам: ни один
Из подвластных нам людей
Не лучше и добрей,
Чем приставленный к нам bristi Ганга Дин.
Он был «Дин! Дин! Дин!
Мешок с кирпичной пылью Ганга Дин!
Ну, быстрее! Hitherao!
Где вода? Panee lao!
Ты, крючконосый идол Ганга Дин!»

Рубахи я на нем
Не видел днем с огнем:
Передник спереди и задник сзади.

С козлиным бурдюком
Шагал он за полком –
Другой ему не полагалось клади.
...Поезд сутки на путях,
Потом весь вагон пропах,
И таращатся на лоб глаза от жара,
Только сохшиеся рты
Как один вопят: «Эй ты!» –
И на спину Ганги сыплются удары.
    Он был «Дин! Дин! Дин!»
    Язычник подлый, пропади и сгинь!
    Где ты есть? Я пить хочу,
    До смерти исколочу,
    Коль шлема не наполнишь, Ганга Дин!»

Так от каждого в полку
Схватит он по тумаку,
Но ни страха он не чувствовал, ни боли.
Бей, гони его, суди –
А уж через час, гляди,
Вон он, в нескольких шагах, и ждет нас в поле.
Чуть скомандовали «В бой»,
Он уже бежит с водой...
Помню, трубы отступленья протрубили,

Он ползет в крови – как мел,
Как моя палатка, бел.
Крови не было уж в нем, а силы были.
    Он был «Дин! Дин! Дин!»
    Ха, живой еще! В повозку его кинь!
    И когда его везли,
    Крики слышались вдали:
    Мул патроны нам везет и Гангу Дин!»

Сколько лет ни буду жить,
Эту ночь мне не забыть.
Был я ранен – боль такая, лучше сгинь,
Неоткуда ждать питья –
Но живой остался я,
Спас меня мой старый, вздорный Ганга Дин.
Помню, как перевязал,
За голову тихо взял;
Что ты влил в меня, разэтакий ты сын?
Зелень, черви в ней кишат...
Но сто раз спасибо, брат!
Весь бурдюк опорожнил я, Ганга Дин!
    Он был «Дин! Дин! Дин!»
    Там вон с пулей в селезенке господин!
    Вишь он, ест песок зубами,

Бьет, как маленький ногами,
Принеси ему напиться, Ганга Дин!»

К месту, где стоял наш dooli,
Он меня принес, но пули
Зазвенели в мертвом воздухе «Дзынь, дзынь!»
Вздрыгнул он... «Ну как, попили?» –
Губы лишь проговорили.
Положил меня – и умер Ганга Дин.
Ждет нас впереди свиданье
Там, где все равны в страданье
И воды не получает ни один.
Но по углям раскаленным
Ты к моим губам сожженным
Принесешь глоточек влаги, Ганга Дин!
    Да, Дин, Дин, Дин,
    Прокаженная ты шкура, Ганга Дин,
    Помнишь, как тебя терзал я?
    Но теперь уверен стал я:
Ты меня был много выше, Ганга Дин!

Вдова из Виндзора

Кто не знает Вдовы из Виндзора,
Коронованной старой Вдовы?
Флот у ней на волне, миллионы в казне,
Грош из них получаете вы
(Сброд мой милый! Наемные львы!).
На крупах коней Вдовы клейма,
Вдовий герб на аптечке любой.
Строгий Вдовый указ, словно вихрь, гонит нас
На парад, на ученья и в бой
(Сброд мой милый! На бойню, не в бой!).
Так выпьем за Вдове здоровье,
За пушки и боезапас,
За людей и коней, сколько есть их у ней,
У Вдовы, опекающей нас
(Сброд мой милый! Скликающей
нас!)!

Просторно Вдове из Виндзора,
Полмира считают за ней.
И весь мир целиком добывая штыком,
Мы мостим ей ковер из костей
(Сброд мой милый! Из наших костей!).

Не зарься на Вдовьи лабазы,
Перечить Вдове не берись.
По углам, по щелям впору лезть королям,
Если только Вдова скажет: «Брысь!»
(Сброд мой милый! Нас шлют с этим
«брысь!»).

Мы истинной дети Вдовицы!
От тропиков до полюсов
Нашей ложи размах. На штыках
и клинках
Ритуал отбрыцаем и зов
(Сброд мой милый! Ответ-то каков?)!

Не суйся к Вдове из Виндзора,
Исчезни, покуда ты цел!
Мы, охрана ее, по команде «В ружье!»
Разом словим тебя на прицел
(Сброд мой милый! А кто из вас цел?)!

Возьмись, как Давид-псалмопевец
За крылья зари – и всех благ!
Всюду встретят тебя ее горны, трубя,
И ее трижды латаный флаг
(Сброд мой милый! Равнение на флаг!)!
Так выпьем за Вдовьих сироток,
Что в строй по сигналу встают,

За их красный наряд, за их скорый
возврат
В край родной и в домашний уют
(Сброд мой милый! Вас прежде
убьют!)

Праздник у Вдовы

«Эй, Джонни, да где ж пропал ты, старик,
Джонни, Джонни?»
«Был приглашен я к Вдове на пикник». —
«Джонни, ну ты и даешь!»
«Вручили бумагу, и вся недолга.
Явись, мол, коль шкура тебе дорога,
Напра-во! – и топай к чертям на рога,
На праздник у нашей Вдовы». —
(*Голос*: «Та-рара-та-та-рара!»)

«А чем там поили-кормили в гостях,
Джонни, Джонни?»
«Тиной, настоящей на костях». —
«Джонни, ну ты и даешь!»
«Баранинкой жестче кнута с ремешком,
Говядинкой с добрым трехлетним душком

Да, коли стащишь сам, петушком
На празднике нашей Вдовы».

«Зачем тебе выдали вилку да нож,
Джонни, Джонни?»
«А там без них нигде не пройдешь».
«Джонни, ну ты и даешь!»
«Было что резать и что ворошить,
Было что ткнуть и потом искрошить,
Было что просто кромсать-потрошить
На празднике нашей Вдовы».

«А где ж половина гостей с пикника,
Джонни, Джонни?»
«У них оказалась кишка тонка».
«Джонни, ну ты и даешь!»
«Кто съел, кто хлебнул всего, что дают,
А этого ведь не едят и не пьют,
И вот их птички теперь клюют
На празднике нашей Вдовы».

«А как же тебя отпустила мадам,
Джонни, Джонни?»
«В лежку лежащим, ручки по швам».
«Джонни, ну ты и даешь!»

«Приставили двух черномазых ко мне
Носилки нести, а я в них на спине
По-барски разлежся в кровавом дерьме
На празднике нашей Вдовы».

«А чем же закончилась вся толкотня,
Джонни, Джонни?»

«Спросите полковника – не меня».

«Джонни, ну ты и даешь!»

«Король был разбит, был проложен тракт,
Был суд учрежден, в чем скреплен был акт,
А дождик смыл кровь, да украсит сей факт

Праздник у нашей Вдовы!»

(*Горн*: «Та-рара-та-та-рара!»)

Мандалей

Возле пагоды Мульмейна, на восточной
стороне,

Знаю, девочка из Бирмы вспоминает обо м н е , –

И поют там колокольцы в роще пальмовых
ветвей:

Возвращайся, чужестранец, возвращайся
в Мандалей.

Возвращайся в Мандалей,
Где стоянка кораблей,
Слышишь, хлопают колеса
Из Рангуна в Мандалей,
На дороге в Мандалей...
Плещет рыб летучих стая,
И заря, как гром, приходит
Через море из Китая.

В волосах убор зеленый, в желтой юбочке она,
В честь самой царицы Тибату Супи-Яу-Лат
названа.

Принесла цветы, я вижу, истукану своему,
Расточает поцелуи христианские ему.

Истукан тот – божество,
Главный Будда – звать его.
Тут ее поцеловал я,
Не спросившись никого.
На дороге в Мандалей ...

А когда над полем риса меркло солнце,

стлалась мгла,
Мне она, под звуки банджо, песню тихую
плела.
На плечо клала мне руку, и, щека с щекой
тогда,
Мы глядели, как ныряют и вздымаются суда,
Как чудовища в морях,
На скрипучих якорях,
В час, когда кругом молчанье
И слова внушают страх.
На дороге в Мандалей...

Это было и минуло, не вернуть опять тех дней,
И не ходят omnibusы мимо Банка в Мандалей!
В мрачном Лондоне узнал я поговорку моряков:
Кто услышал зов с Востока, вечно помнит
этот зов,
Помнит пряный дух цветов,
Шелест пальмовых листов.
Помнит пальмы, помнит солнце,
Перезвон колокольных,
На дороге в Мандалей...

Я устал сбивать подошвы о булыжник
мостовых,

И английский мелкий дождик сеет дрожь
в костях моих,
Пусть гуляю я по Стрэнду с целой дюжиной
девиц,
Мне противны их замашки и румянец грубых
лиц.

Про любовь они лопочут,
Но они не нужны м н е , –
Знаю девочку милее
В дальней солнечной стране.
На дороге в Мандалей.

От Суэца правь к востоку, где в лесах звериный
след,
Где ни заповедей нету, ни на жизнь запрета
нет.
Чу! запели колокольцы! Там хотелось быть
и мне,
Возле пагоды у моря, на восточной стороне.
На дороге в Мандалей.
Где стоянка кораблей,
Сбросишь все свои заботы,
Кинув якорь в Мандалей!

О, дорога в Мандалей,
Где летает рыбок стая,
И заря, как гром, приходит
Через море из Китая.

Новобранцы

Когда на восток новобранцы идут —
Как дурни, резвятся, как лошади, пьют.
Иные из них по дороге умрут,
Еще не начав служить как солдат,
Служить, служить, служить как солдат,
солдат королевы!

Эй вы, молодые, поближе к огню!
Я не первых встречаю и хороню.
Но, пока вы живы, я вам объясню,
Как должен вести себя умный солдат,
Умный, умный, умный солдат, солдат
королевы!

При чуме и холере себя береги,
Минуй болота и кабаки.
Холера и трезвость – всегда враги.
А кто пьян, тот, ей-богу, скверный солдат,
    Скверный, скверный, скверный солдат,
    солдат королевы!

Если сволочь сержант до точки довел,
Не ворчи, как баба, не злись, как осел.
Будь любезным и ловким, – и вот ты нашел,
Что наше спасенье в терпенье, солдат,
    В терпенье, в терпенье, в терпенье,
    солдат, солдат королевы!

Если жена твоя шьется с другим,
Не стоит стреляться, застав ее с ним.
Отдай ему бабу – и мы отомстим,
Он будет с ней проклят, этот солдат,
    Проклят, проклят, проклят солдат,
    солдат королевы!

Если ты под огнем удрать захотел,
Глаза оторви от лежащих тел
И будь счастлив, что ты еще жив и цел,
И маршируй вперед, как солдат,

Вперед, вперед, вперед, как солдат,
солдат королевы!

Если мажут снаряды над их головой,
Не ругай свою пушку сухой кривой,
А лучше с ней потолкуй, как с живой,
И ты будешь доволен ею, солдат,
Доволен, доволен, доволен, солдат,
солдат королевы!

Пусть кругом все у б и т ы , – а ты держись!
Приложись и ударь и опять приложись.
Как можно дороже продай свою жизнь.
И жди помощи Англии, как солдат,
Жди ее, жди ее, жди, как солдат,
солдат королевы!

Но если ты ранен и брошен в песках
И женщины бродят с ножами в руках,
Дотянись до курка и нажми впотьмах
И к солдатскому богу ступай как солдат,
Ступай, ступай, ступай как солдат,
солдат королевы!

Брод через Кабул

Стал Кабул у вод Кабула...

Саблю вон, труби поход!..

Здесь полвзвода утонуло,

Другу жизни стоил брод,

Брод, брод, брод через Кабул,

Брод через Кабул и темнота.

При разливе, при широком эскадрону

выйдут боком

Этот брод через Кабул и темнота.

Да, Кабул – плохое место...

Саблю вон, труби поход!..

Здесь раскисли мы, как тесто,

Многим жизни стоил брод,

Брод, брод, брод через Кабул,

Брод через Кабул и темнота.

Возле вех держитесь, братцы, с нами

на смерть будут драться

Гиблый брод через Кабул и темнота.

Спит Кабул в пыли и зное...

Саблю вон, труби поход!..

Лучше б мне на дно речное,
Чем ребятам... Чертов брод!
Брод, брод, брод через Кабул,
Брод через Кабул и темнота.
Вязнут бутцы и копыта, кони фыркают
с е р д и т о , –
Вот вам брод через Кабул и темнота.

Нам занять Кабул велели,
Саблю вон, труби поход,
Но скажите – неужели
Друга мне заменит брод,
Брод, брод, брод через Кабул,
Брод через Кабул и темнота.
Плыть да плыть, не спать в могиле тем,
которых загубили
Чертов брод через Кабул и темнота.

На черта Кабул нам нужен?..
Саблю вон, труби поход!..
Трудно жить без тех, с кем д р у ж е н , –
Знал, что взять, проклятый брод.
Брод, брод, брод через Кабул,
Брод через Кабул и темнота.

О Господь, не дай споткнуться, слишком
просто захлебнуться
Здесь, где брод через Кабул
и темнота.

Нас уводят из Кабула...
Саблю вон, труби поход!..
Сколько наших утонуло?
Скольких жизней стоил брод?
Брод, брод, брод через Кабул,
Брод через Кабул и темнота.
Обмелеют летом реки, но не всплыть
друзьям в о в е к и , –
Это знаем мы, и брод, и темнота.

Джентельмен в солдатах

О заморских легионах, о скитальческих
когортах,
О собратях, чей армейский путь тяжел,
Джентельмен поет английский, обладатель
брюк, протертых

На просиженных скамьях закрытых школ.
Он и прежде был не промах, на столичных
ишподромах

Выставляя шесть породистых кобыл!
Все спустил на чаевые: «Сэр, пожалте
в рядовые!» –

Ах, когда б сержант поласковее был!
Мы заблудшие овечки, где наш кров?

Бе-бе-бе!

К черным маленьким овечкам мир суров!

Бе-е-е!

Службе каторжной не рад,

Бывший пьет аристократ,

И сам черт ему не брат!

Бе! Йе! Бе!

Как приятно чистить стойло, пол скрести
и холить лошадь,

А потом блистать на празднике полка!
С толстой горничной кружиться и ударом
огорошить

Зубоскалившего нагло остряка.
Ты без лишних разговоров конский
сдерживаешь норов,

Шпору гордо носишь ты на рукаве.
На тебя солдат стирает, он тебе ботинки драит,
Но какое счастье в этом торжестве?

Не храним мы верность клятвам и на родину не пишем,

Но не черствые сердца тому виной:
Мы бессонными ночами дружный храп
казармы слышим, —

Где спасенья нам искать, как не в пивной?
Бредят пьяные соседи и в кошмарном этом бреду

Для паденья новый видим мы предлог.
Бьет в глаза фонарь охраны, и скрываемые раны

Нам побеленный рисует потолок.

Мы покончили с Любовью, Правдой,
Преданностью, Верой,

Дна достигли мы, бесчестьем покорясь.
Мера наших унижений стала молодости мерой:
Слишком рано мы узнали кровь и грязь.
В покаянной смоем чаше мы отступничество наше,

Тем горды, что нечем нам гордиться впредь.

Нас проклятие Рувима обрекло непоправимо
В неопознанных пространствах умереть.
Мы заблудшие овечки, где наш кров?
Бе-бе-бе!
К черным маленьким овечкам Бог суров!
Бе-е-е!
Службе каторжной не рад,
Бывший пьет аристократ,
И сам черт ему не брат!
Бе! Йе! Бе!

Солдат и матрос заодно

(Королевскому полку морской пехоты)

Со скуки я в хлябь с полуюта плевал,
терпел безмонетный сезон,
Вдруг вижу – на крейсере рядом мужик,
одет на армейский фасон
И драит медяшку. Ну, я ему грю:
«Э, малый! Ты что за оно?
«А я, грит, Бомбошка у нашей Вдовы,
солдат и матрос заодно».

Какой ему срок и подробный паек,
конечно, особый вопрос,
Но скверно, что он ни пехота, ни флот,
ни к этим, ни к тем не прирос,
Болтается, будто он дуромфродит,
диковинный солдоматрос.
Потом я в работе его повидал
по разным дремучим углам,
Как он митральезой настраивал слех
языческим королям.
Спит не на койке он, а в гамаке –
мол, так у них заведено,
Муштруют их вдвое – Бомбошек Вдовы,
матросов, солдат заодно.
Все должен бродяга и знать, и уметь,
затем и на свет их плодят.
Воткни его в омут башкой – доплывет,
хоть рыбы кой-что отъедят.
Таков всепролазный гусьмополит,
диковинный матросолдат.
У нас с ними битвы в любом кабаке –
и мы, и они удалы,
Они нас «костлявой блевалкой» чествят,
а мы им орем: «Матрослы!»

А после, горбятя с присыпкой наряд,
где впору башкой о бревно,
Пыхтим: «Выручай-ка, Бомбошка Вдовы,
солдат и матрос заодно».
Он все углядит, а что нужно, сопрет
и слов не потратит на спрос,
Дудят нам подъемчик, а он уже жрет,
в поту отмахавши свой кросс.
Ведь он не шлонтяйка, а крепкий мужик,
тот спаренный солдоматрос!

По-вашему, нам не по нраву узда,
мы только и знаем, что ржем,
По классам да кубрикам воду мутим,
чуть что – так грозим мятежом,
Но с форсом подохнуть у края земли
нам тоже искусство дано,
И тут нам образчик – Бомбошка Вдовы,
солдат и матрос заодно.
А он – та же черная кость, что и мы,
по правде сказать, он нам брат,
Мал-мал поплечистей, а если точней,
то на полвершка в аккурат,
Но не из каких-нибудь там хрензантем,

породистый матросолдат.

Подняться в атаку, паля на бегу,
оно не такой уж и страх,
Когда есть прикрытие, тыл и резерв,
и крик молодецкий в грудях.
Но скверное дело – в парадном строю
идти с «Биркенхедом» на дно,
Как шел бедолага Бомбошка Вдовы,
солдат и матрос заодно.
Почти салатоник, ну что он успел?
Едва до набора дорос,
А тут иль расстрел, или драка в воде,
а всяко ершам на обсос,
И, стоя в шеренге, он молча тонул –
герой, а не солдоматрос.

Полно у нас жуликов, все мы вруны,
похабники, рвань, солдатня,
Мы с форсом подохнем у края земли
(все, милые, кроме меня).
Но тех, кто «Викторию» шел выручать,
добром не попомнить грешно,
Ты честно боролся, Бомбошка Вдовы,
солдат и матрос заодно.

Не стану бог знает чего говорить,
другие пускай говорят,
Но если Вдова нам работу задаст,
Мы выполним все в аккурат.
Вот так-то! А «мы» понимай и «Ее
Величества матросолдат!»

Холерный лагерь

Холера в лагере нашем, всех войн страшнее
она,
Мы мрем средь пустынь, как евреи
в библейские времена.
Она впереди, она позади, от нее никому не
уйти...
Врач полковой доложил, что вчера не стало еще
десяти.
Эй, лагерь свернуть и в путь! Нас трубы
торопят,
Нас ливни топят...
Лишь трупы надежно укрыты, и камни на них
и кусты...

Грохочет оркестр, чтоб унынье в нас побороть,
Бормочет священник, чтоб нас пожалел
    Господь,
Господь...
О боже! За что нам такое, мы пред тобою
    чисты.

В августе хворь эта к нам пришла и с тех пор
    висит на хвосте.
Мы шагали бессонно, нас грузили в вагоны, но
    она настигала везде,
Ибо умеет в любой эшелон забраться на
    полпути...
И знает полковник, что завтра опять не хватит
    в строю десяти.

О бабах нам тошно думать, на выпивку нам
    плевать,
И порох подмок, остается только думать
    и маршировать,
А вслед по ночам шакалы завывают: «Вам не
    дойти,
Спешите, убудки, не то до утра не станет еще
    десяти!»

Порядочки, те, что теперь у нас, насмешили
б и обезьян:
Лейтенант принимает роту, возглавляет полк
капитан,
Рядовой командует взводом... Да, по службе
легко расти,
Если служишь там, где вакансий ежедневно до
десяти.

Иссох, поседел полковник, он мечется день
и ночь
Среди госпитальных коек, меж тех, кому не
помочь.
На свои он берет продукты, не боясь карман
растрясти,
Только проку пока не видно, что ни день – то
нет десяти.

Пастор в черном бренчит на банджо, лезет
с мулом прямо в ряды,
Слыша песни его и шутки, надрывают все
животы,
Чтоб развлечь нас, он даже пляшет: «Ти-
ра-ри-ра, Ра-ри-ра-ти!»

Он достойный отец для мрущих ежедневно по
десяти.

А католиков ублажает рыжекудрый отец
Виктор,

Он поет ирландские песни, ржет взახлеб
и городит вздор...

Эти двое в одной упряжке, им бы только воз
довезти...

Так и катится колесница – сутки прочь, и нет
десяти.

Холера в лагере нашем, горяча она и сладка,
Дома лучше кормили, но, сев за стол, нельзя не
доесть куска,

И сегодня мы все бесстрашны, ибо страху нас
не спасти,

Маршируем мы и теряем на день в среднем по
десяти.

Эй! Лагерь свернуть и в путь! Нас трубы
торопят,

Нас ливни топят...

Лишь трупы надежно укрыты, и камни на них
и кусты...

Те, кто с собою не справятся, могут заткнуться,
Те, кому сдохнуть не нравится, могут живыми
вернуться.
Но раз уж когда-нибудь все равно ляжем
и я и ты,
Так почему б не сегодня без споров и суеты.
А ну, номер первый, заваливай стояки,
Брезент собери, растяжек не позабудь,
Веревки и колья – все вали во вьюки!
Пора, о пора уже лагерь свернуть и в путь...
(Господи, помоги!)

Дамы

Я ходок был по дамскому делу,
Понапрасну чем надо не тряса,
Перепробовал, может, и сотни,
А четыре так попросту – класс!
Самопервая, это понятно,
И чумазого негра жена,
И бирманка из Прома цвета светлого рома,
И сопливая девка одна.

*Я ходок был по дамскому делу,
А ходок – непременно дурак:
Не поймешь их, покуда не расчухал нехудо,
А расчухал – поймешь их не так.
То, бывало, решишь: ты на небе,
То, бывало, хоть на стену лезь, –
Но без хитрых ухваток обольщения мулаток
К белым женищинам даже не лезь!*

Я юнцом встретил Агги де Кастрер –
И девицей я был, не юнцом.
Но вдова из Калькутты приняла шелапута –
И ушел от нее молодцом!
Сильно старше – да в этом ли горе?
Словно матерью стала второй:
И ласкала-любила, и в чинах подсобила –
Научила, как с ихней сестрой!

А потом нас направили в Бирму –
И уже мне доверили склад.
Мы с папашей ееным занялись незаконным –
Больно был оборотистый хват.
А сама-то – ну чисто чайнка,
Я ходил перед ней, как герой,
И была мне – не скрою – домовитой же н о ю , –

Научила, как с ихней сестрой!

А потом приказали во Мхау
    (Хоть и в Проме мне славно жилось) –
И с одною мулаткой, очень сладкой и гладкой,
    Очень сладко и гладко сошлось!
Но не бабой была она – ведьмой,
    Огнедышащей черной горой.
Обозвал черномазой – и ножом меня с р а з у , –
    Научила, как с ихней сестрой!

А потом, снова в родном Мируте,
    На соплячку шестнадцати лет
Положил оба глаза и глядел до отказа –
    И красотка взглянула в ответ.
В чувство верила «с первого взгляда»
    И согласна казалась порой.
Я не стал ее портить – но и эта, не спорьте,
    Научила, как с ихней сестрой!

Я ходок был по дамскому делу –
    И за все расплатился сполна:
Как им счет потеряешь, хошь-не-хошь завзды-
х а е ш ь , –
    А нужна ли хотя бы одна?

Нынче снится мне адское пламя,
Да и днями – все тот же настрой.
Вот вам верный урок – хоть он, знаю,
не в прок, –
Научайтесь, как с ихней сестрой!

*Что полковничиха замышляет?
Если ты такой умный, спроси!
А сержантка расскажет, она не откажет, –
Только честно ее попроси.
А чуть дело доходит до дела,
Хорошенько на них посмотри:
Ведь полковничья пава и любая шалава
Сестры – не по одежке – внутри!*

Жалко женщин, Мэри!

Про мужество болтал,
Божился и ручался,
Но по утру сбежал,
А грех весь мне остался,
Моленья – что мне с них?

Тьфу, до чего же гадки
Ухмылки губ твоих!..

Как ты мне люб, мой сладкий!
Слишком чудно это, чтобы долго длиться.
Сетуй ли, не сетуй, а пора проститься.
Та, что жизнь дала мне, та, что воспитала
(Жалко женщин, Мэри!), раньше нас все знала.

Что плакать? Все прошло!
И карта наша крыта.
Ты – тот, кто сделал зло,
Я – та, чья жизнь разбита.
Еще дурех найдешь –
Вот тут же, на посадке.
Ты сердцем здесь? Все ложь!..
Как ты мне люб, мой сладкий!

Кто же мил насильно? Бросит – так уж бросит.
И свои посуды в багаже уносит.
Думами о мести не унять кручины.
(Жалко женщин, Мэри!), но они – мужчины.

Да, таковы дела!
К чему мечтать о чуде?
С людьми я пожила –

Но ты-то – разве люди?
Местечко бы нашлось –
Бежать – и без оглядки.
Ты весь труслив насквозь.
Как ты мне люб, мой сладкий!

Чем щедрей их даришь, тем скупей отплата.
Путь, ведущий в бездну, не сулит возврата.
Вот любовь! Убита! Нет ей исцеленья
(Жалко женщин, Мэри!). Пошлы наставленья.

Нельзя усыновить –
Домашним будет горе.
Велишь про все забыть?
Но берег ведь – не море.
Лишь имя дай носить,
Родных дай список краткий,
Чтоб шлюхой мне не слыть!
Как ты мне люб, мой сладкий!

Та, что жизнь дала мне, та, что воспитала
(Жалко женщин, Мэри!), – раньше нас все
знала.

Спать отправь надежду, разбуди кручину.
(Жалко женщин, Мэри!). Море ждет мужчину!

За все, что есть у нас

За все, что есть у нас,
За все, что есть народ,
Вставайте в грозный час –
Ведь гунны у ворот!
Во прах повержен мир,
В содомский впал позор.
Сегодняшний кумир –
Оружье и отпор!
    Все может отказать,
    Но только не Завет:
    «Сумей не сплеховать!
    Умей держать ответ!»

Опять заводят речь,
Твердя со всех сторон,
Что миром правит меч,
А вовсе не закон.
Опять встают на бой,
Опять идут во мрак,
Где прямо пред тобой
Слепой и страшный враг.

Порядок и уют
Добычей стали тьмы
За несколько минут.
Остались только мы –
Чтоб стойкости стена
Стояла, как с к а л а , –
Будь новая война
Иль войны без числа.

Все можно потерять,
Но только не Завет:
«Сумей не сплеховать!
Умей держать ответ!»

Нет места бодрой лжи.
Победа нелегка.
Решают не ножи,
А твердая рука.
Свобода и Права –
Без них мы не народ!
Будь, Англия, жива,
И счет потерь – не в счет!

Долгий путь

Слышишь голоса глухие в поле, где скирды
сухие

Спят, бока подставя свету:

«Как пчела душистый клевер, так и ты оставь
свой север –

Малый срок отпущен лету?»

Ветер с гор ревет – он тебя зовет,

Дождь колотится морю в грудь,

И поет вода: «Ну, когда, когда

Мы опять соберемся в путь?»

Смиримся, девочка, с шатрами Сима,

Нет благоднее крова.

Пора нам вернуться на старый путь, наш путь,
открытый путь.

Нам пора, пора, он ждет нас – долгий путь
и вечно новый.

Слышишь, север нас ждет – в снежном нимбе
восход,

Юг – там Горна враждебные рати,

По пути на Восток – Миссисипи поток,

Золотые врата – на Закате.
Там скалы, девочка, удержат смелых,
Там лгать не умеет слово;
Всегда многолюден он – старый путь, наш
путь, открытый путь,
Он живет великой жизнью – долгий путь
и вечно новый.

Кратки наши дни и серы, небеса мрачны
без меры,

Воздух ловишь ртом, как рыбы.
Разве жаль души усталой? Продал бы ее,
пожалуй,

За Бильбаоские глыбы.

Там, девочка, тюки плывут над морем,
Пьян с утра народ портовый, –
Корабль наострился на старый путь,
наш путь, открытый путь,
Путь из бухт Кадиза к югу – долгий
путь и вечно новый.

Путь орлиный, путь змеиный, путь жены и путь
мужчины –

Их пути втройне опасны,
Но торговыми судами к Осту синими путями

Плыть воистину прекрасно!

Слышь, девочка: то звон цепей, то грохот
Барабана бортового?
Они нас торопят на старый путь, наш
путь, открытый путь,
Путь подъемов, путь падений, старый
путь и вечно новый.

Чу! Труба взревела в доке; взвился синий флаг
на фоке;

Кранцы трудятся ретиво.
Блещут и скрежещут стрелы, груз подносят то
и дело,

И похныкивают шкивы.

Ну, девочка, принять живее сходни!
А теперь отдать швартовы!
Опять мы выходим на старый путь, наш
путь, открытый путь.
Отдан кормовой! Пора нам в долгий
путь и вечно новый!

Вдалеке раскаты грома, и туман нас держит
дома

Под протяжный вой сирены.
Медлим. Глубоко здесь, что ли? И ответит,

глубоко ли,

Лоцман, вынув лот из пены.

Что ж, девочка! Минуем Мыс
и Ганфлит;

Мимо знака мелевого

И Маусской банки – на старый путь,
наш путь, открытый путь,

Высветлит нам факел Гуля долгий путь
и вечно новый!

Мы проснемся южной ночью, чтобы увидеть
воочью

Звезд тропических метели –

И как вдруг взвьется в воздух, чтобы
выкупаться в звездах,

Черный кит с гарпуном в теле.

Ах, девочка, как он блеснул зубами...

Но уж вот узлы готовы,

Тугие от влаги... О старый путь, наш путь,
открытый путь...

Юг, прощай! Опять пора нам в долгий
путь и вечно новый!

Родина зовет вернуться, о причал буруны
бьются,

Море бьет о борт волнами,
Все трясется от работы – кинув якоря в высоты,
Взнесся Южный Крест над нами.

Глянь, девочка, назад качнулись звезды,
Взвился плюш небес лиловый.

Смотрят светила на старый путь, наш
путь, открытый путь –
Люб Господним провожатым долгий
путь и вечно новый!

Сердце, приготовься к старту с Фореленда
к мысу Старту.

Как мы тянемся лениво...

Двадцать тысяч миль соленых плыть, пока
с полей зеленых

Донесутся труб призывы.

Ветер с гор ревет – он тебя зовет,
Дождь колотится морю в грудь,
И поет вода: «Ну, когда, когда
Мы опять соберемся в путь?»

Бог, девочка, познал, как мы отважны,

Черт познал, как непутевы.

Еще раз вернемся на старый путь, наш путь,
открытый путь,

(Скрылась с глаз верхушка мачты) —
долгий путь и вечно новый.

ПЫЛЬ

(Пехотные колонны)

День-ночь-день-ночь — мы идем по Африке,
День-ночь-день-ночь — все по той же Африке
(Пыль-пыль-пыль-пыль — от шагающих
сапог!) —

Отпуска нет на войне!

Восемь — шесть — двенадцать — пять —
двадцать миль на этот раз.

Три — двенадцать — двадцать две —
восемнадцать миль вчера
(Пыль-пыль-пыль-пыль — от шагающих
сапог!) —

Отпуска нет на войне!

Брось-брось-брось-брось! — видеть то, что
впереди.

(Пыль-пыль-пыль-пыль – от шагающих сапог!) –
Все-все-все-все-все – от нее сойдут с ума,
И отпуска нет на войне!

Ты-ты-ты-ты – пробуй думать о другом,
Бог-мой-дай-сил – обезуметь не совсем!
(Пыль-пыль-пыль-пыль – от шагающих сапог!) –
Отпуска нет на войне!

Счет-счет-счет-счет – пулям в кушаке веди,
Чуть-сон-взял-верх – задние тебя сомнут.
(Пыль-пыль-пыль-пыль – от шагающих сапог!),
Отпуска нет на войне!

Для-нас-все-вздор – голод, жажда, длинный путь,
Но нет-нет-нет-нет – хуже, чем всегда одно –
Пыль-пыль-пыль-пыль – от шагающих сапог,
И отпуска нет на войне!
Днем-все-мы-тут – и не так уж тяжело,
Но-чуть-лег-мрак – снова только каблуки,

(Пыль-пыль-пыль-пыль – от шагающих сапог!),

Отпуска нет на войне!

Я-шел-сквозь-ад – шесть недель, и я клянусь,
Там-нет-ни-тьмы – ни жаровен, ни чертей,
Но пыль-пыль-пыль-пыль – от шагающих сапог,

И отпуска нет на войне!

И дары приносящих

Опыт собран мной обильный наблюдений над толпой –

От черты четырехмильной аж до Индии самой.

В кабаках я неизменно племенной видал скандал –

И в глаза осатаненно ближний ближнему плевал.

Спор вселенского масштаба, драка пьяных дикарей –

Галлы, греки и арабы, немец, русский и еврей,

Африканцы, мексиканцы – на ножах, на
кулаках.
Но учтивые британцы делу придали размах.
Но британцы подоспели, а на них цилиндр
и фрак.
Не дерутся на дуэли, берегут своих рубак.
Как святой Лаврентий – муку, принимают
бытие.
И убрал проворно руку перепуганный Крупье.
Пусть чуть что прощенья просят, пусть учтиво
говорят...
Пива девки не разносят, скрипки больше не
звучат.
Моментально, эпохально опустело Казино.
Только немцам и французам это было все
равно.
Хоть в Египте, хоть в Китае, посреди любых
широт,
С пониманьем наблюдаю: племенной скандал
растет.
Но на нашем переломе что как подлинный
призыв

Заповедь в игорном доме: «Бди всегда, но будь
учтив».

«Не сердчайте. Не робейте. Ни ропща, ни
трепеща,
Сами первыми не бейте. Отходите сообща.
Встаньте, если дело к драке, в тесный круг,
спина к спине,
Чтобы сразу вспомнил всякий: на войне, как на
войне».

Ярость в душах бушевала, но нахалу одному
Гайной злости стало мало – тут и выдали ему!
Трости в ход пошли, скандалы, кулаки
и башмаки.

Врассыпную побежала шваль, роняя медяки.

И сукно самой рулетки стало стягом боевым,
Фортепьяно и банкетки покатались в кровь
и дым.

Не остыв еще, но быстро, деловито и умно,
В чемоданы и канистры погрузили Казино.

Альбион, ты воспитатель, твой в порядке
школьный класс.

В волчью яму неприятель попадает каждый раз.

Речь, исполненная веса, четко взвешены дела.
Лишь когда разбудят беса, мы закусим удила.
Лишь когда века свободы враг поставит под
вопрос,
И заморские народы не воспримут нас всерьез,
И ударят иноземцы – в спину, но не
на повал. –
Что ж, тогда держитесь, немцы! Что ж, тогда
пируй, шакал!
Строй форты на склонах Этны без оглядки на
вулкан –
И акулой незаметно внидь в Индийский океан,
С голой шашкой, – с динамитной, – с чем
угодно наступай. –
Но учтивость беззащитной даже сдуру не
считай!

За шиллингом в сутки

По знаку тревоги несли меня ноги
В любые дороги – из Лидса в Лахор:
Речные пороги,

Крутые отроги,
И всюду – война, голодуха и мор.
Сержанту О'Келли не место в постели –
В тоске и в похмелье, в жару и в бреду.
А силы пропали –
И комиссовали:
За шиллингом в сутки покорно бреду.
Хор:
За шиллингом в сутки!
А это не шутки!
Не пусто в кармане, да пусто в желудке!

Болят мои раны и снятся душманы
И самый поганый на свете маршрут:
У них – оборона,
И два эскадрона,
Рубясь обреченно, живьем не пройдут...
Но что же я ною – с больною женою,
С пустою мошною на пенсию рано.
Болят мои раны.
В отряды охраны
Наймите, поймите меня, ветерана!
Общий хор:
Сержанта поймите!

Сержанта наймите!
В отряды охраны сержанта возьмите!
Хоть стар он, а все же —
На что же похоже!
На шиллинг — негоже...
Храни королеву, о Боже, о Боже!

Благодетели

*Гуманитарный курс наук
Нас не уберезет.
Ведь все случается вокруг
Как раз наоборот.*

*У кисти, флейты и пера —
Возвышенная цель,
А вот Природа — недобра,
В ней бродит низкий хмель.*

Отнюдь не райское житье
И не благой пример нам,

А постоянное битье
Вожатым служит верным.

Покуда мир был юн и дик,
А мы – богоподобны, –
Кто правил в нем? Кулак и клык,
Отчаянны и злобны.

Пока мы, в шрамах, в синяках
Повержены и жалки,
Не научились кое-как
Остричь конец у палки.

Сильней клыка и кулака
Была такая штука,
Но гений в темные века
Додумался до лука.

Железо с камнем в ход пошли –
Но тут же, от испуга,
Надежный щит изобрели,
И родилась кольчуга.

Кольчуга стоит – ой-ой-ой –
И щит довольно дорог,
Но бедняки недорогой
Перемешали порох.

Шелом исчез вослед копьё
И щит с мечом на парю.
Все одинаково в бою
Подвержены удару.

И десять миллионов душ
Мы на алтарь сложили –
Безумцу-кайзеру к тому ж –
И тут сообразили:

Кулак, стрела и пулемет,
И все в таком же духе.
Победы нам не принесет
В кровавой заварухе.

*Любая мощь, любой тиран,
Любой лихой народ*

*Не одолеют чуждых стран —
Как раз наоборот.*

*И далеко не наобум
Страшимся мы лобых
К войне зовущих слов и дум —
И осуждаем их.*

Возвращение

Войне конец, и мне пора
В мой Хэгништадт. Да я не тот.
По-новому пошла игра,
И втрое мэтр преподает.
Превратность подползла тайком —
Я оглянуться не успел.
Вчера еще я был щенком,
А нынче я собаку съел.

Когда бы Англия была
Действительность, а не мечта:

Белила, краски, медь – пошла
Она к чертям... Но – ни черта!

В корявом детском языке
Еще крикливым сосунком
Ее постиг я, на щеке
Горячим ощутил цветком.
И, наконец, не гордость, нет,
Не спесь, а кровь души моей
(Хотя такого слова нет)
Зажгла мне сердце страстью к ней.

Ночной поток, что дразнит рань,
В траве, от неба голубой,
И кручи неприступной грань,
И вечных звезд вселенский рой,
И рыбой дышащая тьма –
Пустоты полнящий поток,
И штурм: прыг-прыг на холм с холма –
У них у всех я брал урок.

Те города, что десять раз
Сдавали, брали мы и жгли,

И псы ничьи, что среди нас
Искать себе хозяев шли,
И с не знакомым до сих пор
Перед костром, где мертвых жгут,
Простой домашний разговор –
Я многому учился тут.

И резкий, раскаленный свет –
Панама не спасет, не жди,
Одна тарелка – весь обед,
И гулкий рык в ушах, в груди,
И тот мертвец – лицом старик,
А мальчик был тому как час...
Немеют пальцы и язык –
Но эти вещи учат нас!

Не счесть нам, сколько позади
Годов у нас и городов.
С двух полушарий сброд поди
Погрелся у таких костров.
То больше, чем прочесть я мог,
Не вдвое, а во много раз.
Ах, братья, как я одинок –

И как недостает мне вас!

Страна моя! Не гордость, нет,
Не спесь, а кровь души моей
(Хотя такого слова нет)
Зажгла мне сердце страстью к ней.
И воротился я с войны
На Темз-фонтен, к себе домой,
Чтобы с небес моей страны
Приглядывал Господь за мной.

Полубаллада о Ватерфале

(Младшие офицеры,
сопровождающие военнопленных)

Когда я собственной рукой
Ключ повернул в замке, когда
Я в трюме запер груз людской,
Смолчать мне стоило труда.

Нет справедливее суда,
Но тюрьмы я в душе клян
С тех пор, как в пекле Ватерфаля
Узнал, что значит быть в плену.

С прожекторами над рекой,
За проволокой в два ряда,
Обритые, мы день-деньской
Слонялись в зной и холода,
Не в силах превозмочь стыда
За неудачную войну, —
Вот так я в клетке Ватерфаля
Узнал, что значит быть в плену.

Их ждет тяжелый путь морской,
Чужие страны, города,
Но не барак, не воровской
Плевков, не часовых вражда.
Порядка власть у нас тверда, —
Я унижать их не начну:
Я за решеткой Ватерфаля
Узнал, что значит быть в плену.

Они подружатся с тоской
На бесконечные года,
Ночей убийственный покой
Им станет адом навсегда.
За них (скажите только: да!)
Я золото внесу в к а з н у . —
Я в преисподней Ватерфаля
Узнал, что значит быть в плену.

Добровольно «пропавший без вести»

Неважный мир господь для нас скропал.
Тот, кто прошел насквозь солдатский ад
И добровольно «без вести пропал»,
Не беспокойтесь, не придет назад!

Газеты ввали вам средь бела дня,
Что мы погибли смертью храбрых.

Некрологи в газетах – болтовня,
Нам это лучше знать, в конце концов.

Врачи приходят после воронья,
Когда не разберешь, где рот, где нос.
И только форма рваная моя
Им может сделать на меня донос.

Но я ее заставляю промолчать.
Потом лопаты землю заскребут,
И где-то снова можно жизнь начать,
Когда тебя заочно погребут.

Мы будем в джунглях ждать до темноты –
Пока на переключке подтвердят,
Что мы убиты, стало быть, чисты;
Потом пойдем куда глаза глядят.

И снова сможем девочек любить,
Могилы наши зарастут травой,
И траурные марши, так и быть,
Наш смертный грех покроют с головой.

Причины дезертирства без труда
Поймет солдат. Для нас они честны.
А что до ваших мнений, г о с п о д а , —
Нам ваши мненья, право, не нужны.

Времени очи безгневны...

Времени очи безгневны,
Поступь тверда:
Словно цветы, однодневны
Силы и Города.
Гибнут престолы, но снова,
Травам под стать,
Город из праха земного
Жаждет восстать.

Разве рожденный сегодня
Знает нарцисс,
Как над землей прошлогодней
Холод навис.

Нет, он от юной отваги
Только пьяней:
Вечностью мнятся бедняге
Семь летних дней.

Время сочувствует людям –
Дерзким сынам.
Жить неизменно мы будем –
Кажется нам.
И, не поддавшись смятению,
Возле могилы самой,
Хвалится тень перед тенью:
«Труд не изгладится мой!»

Зов

Я – родина их предков,
И через много дней
Я созову обратно
Разбросанных детей.

Под их ногами в травах
Вздохнет моя земля.
Придут совсем чужими
Родные сыновья.

Пусть древние деревья
Нелепы в их судьбе,
Я словно на колени
Их притяну к себе.

Вечерний запах дыма
Опять взволнует грудь,
И вспомнят пилигримы
Свой исполинский путь.

Пускай темно значенье,
Что привело назад –
Слезами я наполню
Прозревшие глаза.

Дорога через леса

Закрыта дорога через леса
Семьдесят лет назад.
Год от году вольней колотила по ней
Разнузданная гроза.
Сейчас никогда не поверите вы,
Что здесь простирался путь.
И молод и стар мчались, как на пожар,
Не давая эху заснуть.
И знает один бородатый лесник,
Что там, где гуляет лиса,
Где каплет смола, однажды была
Дорога через леса.
Все же, если вы посетите леса,
Когда летняя ночь коротка,
Когда в капле воды свежесть первой звезды,
Когда выдра свищет дружка
(Растеряли звезды обычный страх,
Редко видя людей на тропе),
Слух заденет вновь дальний звон подков,
Шелест юбки в высокой траве,

И, как встарь, под ноги падет роса,
И укажет шаг, протянулся как
Старый добрый путь через все леса...
Только нет дороги через леса.

Заклинание

Перед Богом и людьми
В руку каждую возьми
Горсть земли английской милой
И над брошенной могилой
Об усопших помолись, —
Не о тех, что родились
Для почета, а о многих
Безымянных и убогих.

К сердцу землю приложи,
И не станет скорбной лжи.

От надрывных перебоев
Тотчас душу успокоив,

Ты от злых избавишь дум
Перенапряженный ум
И в борьбе с бессмертной мукой,
Узник жизни близорукой,
Смертный, одолеешь Смерть
И поймешь, чем славна Твердь.

Из цветов найди нам здешних
Первоцвет проталин вешних
И шиповник летних роц,
Лакфиоль – в осенний дождь,
И на стенах зимних, голых
Чахлый плющ в гудящих пчелах:

Если слово знаешь ты,
То английские цветы,
    Как лечебные коренья,
    Возвращают сердцу зренья.

Зелья эти просветлят
Обращенный в душу взгляд,
В поле хоженое, знакомом
Клад укажут – рядом с домом!

Ты поймешь (и в этом соль!),
Человек любой – король!

Детская песня

Место Рожденья нашего дарим, Земля, тебе
Нашу любовь, заботу, главную роль в судьбе;
Нужно нам только вырасти, нас обратить
должны
В сильных мужчин и женщин нашей большой
страны.

Отче Небесный, Боже, любящий вся и всех,
О, помоги твоим детям, дай избежать им грех;
Чтоб наслаждался детством весь свой недолгий
век
Словно святым наследством маленький человек.

Нас приучи к закону с юности, не боясь,
Что в послушанье сонном может таиться казнь;

Нас убеди, что Правду дарит Милость Твоя
Всюду, где селятся люди, веры твоей сыновья.

Нас научи собою располагать во всем,
Повелевать судьбою ночью и ясным днем;
Чтоб мы могли открыто в трудном своем пути,
Если случится битва, в жертву себя принести.

Нас научи в свершеньях ждать Твоего суда,
А не друзей неверных, лгущих порой без стыда;
Чтоб мы могли с Тобой видеть в конце тропы
Свет, а не страх кошмаров вызверенной толпы.

Нас научи той Силе, что не раздавит жизнь,
Что не обидит слабого, лишь подскажет –
    держишь;
Чтоб под Тобой, Всевышним, каждый мог
    обладать
Волей, моральной поддержкой и сам утешенье
    дать.

Нас научи Довольству в самых простых вещах,
Веселью без примеси горечи, пусть царствует
    лишь размах;

Прощению бесконечному, свободному ото зла,
Любви к любому увечному, кого земля родила!

Земля Рождения нашего, нашей веры, чести;
земля,
Во имя которой погибли отцы наши, хлеб деля;
О Родина, мы навеки тебе отдаем свои
Руки, голову, сердце, полное чистой любви!

Молитва Джобсона

«Благословим англичан и все их дела и занятия.
Еретикам и неверным да будет навеки
проклятье!»
«А м и н ь , – повторяет Дж о б с о н , – но там, где
мой отчий дом,
Ни Библии не было, ни свечей, и песни там о
другом:

Наклонились пальмы, стоя над водою, над
водою,

К беспокойному прибою под стеною
    городскою,
В храме масляные лампы только теплятся
    чуть-чуть,
А над Африкою месяц тихо шепчет: Вот твой
    путь!"»

«Благословим англичан и все, что взлелеяно
    ими.
Прокляты будь дикари, которые пляшут
    нагими!»
«Аминь, – повторяет Д ж о б с о н, – но там, где
    мой отчий дом,
Ни курток не было, ни панталон, и заботы
    совсем о другом:

Ворот старого колодца – поворот, поворот,
И вода в каналы льется, и течет, и жизнь несет,
В гуще веток попугаи собирают урожай,
А над Азией вставая, солнце крикнуло:
    Вставай!"»

«Благословим англичан и власть их над морем
    и миром.

Да будет проклятье неверным, припавшим
к обманным кумирам!»
«Аминь, – повторяет Д ж о б с о н, – но там, где
мой отчий дом,
Ни священника не было, ни церквей, и спасенье
было в другом:

Вновь раскинулась пустыня, как вчера,
как вчера,
Спят миражи в знойной сини, и жара стоит
с утра,
Череп бархан хоронит, в их глазницах змеи
спят,
А ливийский ветер стонет: Улепетывай
назад!"»

«Благословим англичан и все их благие
примеры.
Прокляты еретики, не принявшие истинной
веры!»
«Аминь, – повторяет Д ж о б с о н, – но там, где
мой смертный дом,
Ни Завета нет, ни Закона нет, и дело совсем
в другом:

Возлежит на Гималаях свод небес, свод небес,
Не разрушил за века их этот вес, упав на л е с , —
Кедры ввысь неумоимо на святой горе растут,
Где стопы моей любимой вспять по Времени
бегут».

Тесаный камень

Пожар в окне очерчен тьмой,
И камня тесаного грани
Багровы. Труд окончен мой.
Зовет к молитве вечер ранний.

Смотритель Высший, узнаю
В своих удачах и победах
Я руку сильную Твою
И слабость собственную — в бедах.

Молчит вселенная, скорбя,
Когда единый миг потерян

В моей работе для Тебя:
Твоею Правдой мир измерен!

Тропу, где я бреду без сил,
Ты для страстей хранил ревниво:
Не сам ли глину Ты месил?
Не сам ли подносил огниво?

Но чтобы труженик вовек
Мечту о рае не отбросил,
Он в Царстве Божьем – человек,
Он – бог и царь в раю ремесел.

Еще одна из-под резца
В подножье Храма ляжет г л ы б а , –
За необычность образца,
За милость высшую – спасибо!

Владей рукой моей, владей!
И мы, работники, не будем
Нуждаться в помощи людей,
Посильно помогая людям.

Non nobis, Domine

Не нам хвала, Господь!
Тьму нечестивых дней
Очам не побороть.
Наш путь и крив и крут,
Вслепую – каждый шаг,
Лишь Твой всевышний суд
Над нами – зряч и благ.

Но падок рабский ум,
Стыду наперекор,
На Славы праздный шум,
На Злата грязный сор:
Им души предаем
И служим, как богам,
Но втайне сознаем:
Не нам хвала, не нам!

О Движитель всего,
Бог, Судия, Творец!

От блага своего
    Нам удели, Отец!
Но в смуте наших дней
    Дай прозревать сердцам:
    Не нам хвала, не нам!

Арфы датских женщин

Не жены радуют вас, а вдовы:
Вы бросить дом и очаг готовы,
Уйти к Разлучнице в край ледовый.

Ей муж прохожего не дороже,
Она вам стелит одно и то же
Под бледным солнцем пустое ложе.

Прибой вас бьет, по камням таская,
Не руки белые, а морская
Трава обнимет, не отпускающая.

Но стоит зимним кострам потухнуть,
Фиордам вскрыться, торосам рухнуть,
И почкам чахлых берез набухнуть,

Как вы пьяны предвкушением крови,
Забыв и думать об отчем крове,
Забросив стойло и хлев коровий;

Что вам веселье за мирной чашей! —
Оно побоищ для вас не краше:
По веслам руки скупают ваши.

В ладьях уйдете вы остроносых,
А мы под сводом небес белесых
Вас ждать останемся на утесах.

Нет, вам не жены нужны, а вдовы,
Вы бросить дом и очаг готовы,
Уйти к Разлучнице в край ледовый.

В Хадрамауте

«В сердце у христианина, в разуме скудном
Вихри господствуют злые над безрассудным
Хаосом диких желаний, – разве что демон
Знает, зачем он смеется, плачет зачем он?»

Он с головой непокрытой входит под крышу,
Лезет ко всем обниматься, – что тут я слышу! –
Не разуваясь, о доме спросит, о ж е н а х , –
Сроду не видел у белых глаз пристыженных.

Все по-другому в пустыне: в дом мой однажды
Путник ночной постучался, слабый от жажды.
Мести он ждал за убийство, – принял по-братски
Я беглеца, тут явил он нрав свой дурацкий.

Был он исчадьем гиены и обезьяны,
Квакал, как жаба в болоте, плакал, как пьяный,
И на лице простодушном, все до последней,
Мог прочитывать я – не мысли – жалкие бредни!

Бороду перебирая, молча я слушал.
Видно, Аллах его разум страхом нарушил,
Видно, душе его мелкой трудно без криков:
Вскоре он ожил, запрыгав и зачирикав.

Все я стерпел, но не шутки сына Иблиса! —
Вывел Бижли из конюшни, мяса дал, риса.
Гостя вином напоил я перед дорогой, —
Чувств мусульманских, пришелец, лучше не
трогай!
Чуть он отъехал, я с саблей бросился следом.
И никому, кроме неба, стыд мой неведом!»

Дорожная песня бандар-логов

Длинной гирляндой порою ночной
Мчимся мы между землей и луной.
Ты не завидуешь нашим прыжкам,
Скачущим лентам и лишним рукам?

Ты не мечтал, чтоб твой хвост, как тугой
Лук Купидона, был выгнут дугой?
Злишься напрасно ты, Брат! Ерунда!
С гибким хвостом и беда – не беда!

Мы поднимаем немислимый шум.
Головы наши распухли от дум!
Тысячи дел перед нами встают –
Мы их кончаем за пару минут.
Ах, как мудры мы! Ах, как хороши!
Все, что умеем, творим от души.
Всеми забыты мы, Брат? Ерунда!
С гибким хвостом и беда – не беда!

Если до нас донесутся слова
Аиста, мыши, пчелы или льва,
Шкур или перьев – мы их различим,
Тут же подхватим и быстро кричим!
Браво! Брависсимо! Ну-ка опять!
Мы, словно люди, умеем болтать!
Мы не притворщики, Брат. Ерунда!
С гибким хвостом и беда – не беда!
Светит для нас обезьянья звезда!

Скорее рядами сомкнемся,
    лавиной сквозь лес пронесемся,
Как гроздь бананов качаясь на ветках,
    взлетая по гладким стволам.
Для всех мы отбросы, так что же!
    Мы корчим ужасные рожи!
Напрасно смеетесь! Мы скачем по пальмам
    навстречу великим делам!

Песня римского центуриона

(Римское владычество в Британии,
300-й год н. э.)

Легат, я выслушал приказ: домой мою когорту.
Перенаправили всех нас по направлению к
    порту.
Я на борт ввел моих солдат, сложил оружие
    в трюме.
Но отзови меня назад! Яви благоразумье!

Я отслужил здесь сорок лет, от Вектия до Вала,
И для меня другого нет ни дома, ни привала.
По родине тоскует всяк, я рад был первым
делом.
Но Рим не родина, а так... Я здесь душой и
телом.

Здесь верили в меня бойцы и здесь меня
любили.
Здесь дорогие мертвецы – жена и сын – в
могиле.
Здесь служба, годы и труды, невзгоды
и печали –
Зерно британской борозды... Так что же, зря
пропали?

По мне, хорош туманный край, ненастная
погода –
И не хочу в латинский рай к лазури небосвода.
Мне в декабре нужны снега, в июле –
полнолуние,
И в марте – краткая пурга, и долгий день – в
июне.

Вам – Средиземья острова, и мирты, и оливы,
Вечнозеленая листва и теплые проливы.
А мне – британские дубы, дубов британских
кроны,
Когда смиряют в час борьбы порыв
Евроклидона!

Ваш путь – старинный римский путь –
обстанут рощи пиний.
Трирема некуда свернуть с Тирренской ясной
сини.
Венчают лавровым венком героев церемоний.
Но можжевельник с орляком куда как
благовонней!

В Британии меня оставь – трудиться или
биться.
Мостить дороги предоставь или стеречь
границы.
Вели мне в утлую ладью по северной
стремнине.
Вели мне с пиктами в бою погибнуть на
чужбине.

Легат, уж слезы льют из глаз: приказ «домой»
ужасен.
Я отслужил здесь сорок лет, сил нет – и труд
напрасен?
По родине тоскует всяк, идя на подвиг ратный.
Но Рим не родина, а так... Верни меня обратно!

Песнь пиктов

Как широко шагает Рим!
И не глядит – куда.
Мы под пятой вопим: «Разбой!»
А Риму – не беда.
Но час Имперский миновал.
Мы в сущности – орда.
Мы сокрушим великий Вал
Без всякого труда.

Пусть наш народец мелковат
Для страсти и войны,

Пусть презирает супостат
Защитников с т р а н ы , –
Но сточит дерево жучок,
И ржа войдет в ножны,
Забродит кровь, как пьяный сок,
И бред погубит сны!

Мизинец валит ветхий дуб,
Моль возится в шерсти,
Жрет крыса сыр – и целый мир
Не в силах их спасти!
Да, наш народец мелковат –
Но как себя вести
Здесь понимают стар и млад,
И гости – не в чести!

В бою мы – не богатыри,
Но мы богатырей
Поднять сумеем до зари
На римских упырей!
И снова в рабство попадем?
Пожалуй. Но скорей,
Взглянув кругом, плясать пойдем

Среди чужих костей!

Пусть наш народец мелковат...

Закон джунглей

Внемлите Закону Джунглей, он стар, как
небесная твердь,
Послушный Волк преуспеет, но ждет
нарушителя смерть.

Как питон, что ствол обвивает, в обе стороны
действен Закон.
Стая сильна лишь Волком, а Волк лишь стаей
силен.

Пейте вволю, но в меру и мойтесь от носа и до
хвоста,

Спите днем – для охоты ночная предназначена
темнота.

Пусть Шакал подбирает за Тигром – ты,
безусый Волчонок, не смей!

Помни – Волк – природный охотник, пищу
сам добывать умей!

С владыками – Тигром, Пантерой и Медведем
не ссорься, ни-ни,

Не тревожь молчащего Хати, Кабана в кустах
не дразни!

Если в Джунглях две стаи сойдутся, приляг
в сторонке и жди:

Может быть, к обоюдному благу договорятся
Вожди.

С Волком из собственной Стаи сражайся
в честном бою;

Тот, кто ввяжется в ваш поединок, ослабляет
Стаю свою.

В логове Волк – хозяин, и защитный Закон
таков,
Что там и Вожак не властен и даже Совет
Волков.

Если логово слишком открыто и в нем убежища
нет,
Ты должен сыскать другое – так решает Совет.

До полуночи убивая, не взбудораживай лес,
Не спугни второго оленя – он нужен другим
позарез.

Для себя, Волчат и Волчицы убивай, если
в пище нужда,
Но нельзя убивать для потехи, Человека
же – НИКОГДА.

Право Стаи – право слабейших; коль добычу
у них довелось
Отобрать, не ешь без остатка, но им шкуру
и голову брось.

Ешь добычу Стаи на месте, набивай до отвалу
пасть,
Но умрет любой, кто в берлогу унесет хоть
малую часть.

Волк – хозяин своей добычи, и не смеет Стая,
пока
Он не даст на то разрешенья, от мяса урвать ни
клочка.

Годовалый Волчонок вправе, если убийца сыт,
Достать свою долю м я с а , – отказ ему не грозит.

Право Логова – Матери право; от каждой
добычи она
Для выводка заднюю ногу должна получить
сполна.

Вправе Отец в одиночку семье добывать обед;
Он волен от вызовов Стаи, судья ему – только
Совет.

Вожак – это сила и опыт, и ведомо испокон,
Что там, где Закон не предвидит, приказ
Вожака – Закон.

Блюда же Законы Джунглей, их много, от них
не спастись,
У них голова и копыто, горб и бедро:
подчинись!

Первопроходец

Застонут чайки над кормой, волнам ответит
дрождю
Смоленный б о р т , – ты будешь тверд, свершая
волю Божью.
Созвездий новых вспыхнет луч в нездешних
небесах,
Судьбой маним, плывешь ты к ним на рваных
парусах.
Ты голодом вооружен и жаждою наживы –
В песчаный зной голубизной сердца такие
живы!

Ты от соседей прочь бежишь до самых дальних
мест,
Где чист ручей, и дым ничей глаза тебе не ест.
Ты быть хотел один – смотри: в лесистое
безлюдье
Твоей тропой идут толпой сограждане и судьи.
К едва остывшему костру назад ты повернул,
Но лагерь смят, кирки гремят, каменоломен гул.
В имперский спор и твой топор вмешается
отныне,
Пока последний аванпост не встанет
у пустыни.

* * *

Царица Балкис! Другой такой
Не бывало на свете всем,
Но, как с другом, любила о том о сем
Поболтать она с мотыльком.
Не бывало во веки веков царя
Мудрее, чем царь Соломон,

Но порой беседовал с мотыльком,
Как мужчина с женщиной, он.
Царицей Савской была она,
Он был Азии властелин,
Но серьезных вопросов без мотылька
Не решал из них ни один!

Песнь старика Кенгуру

Громкая песнь – в ней прославить должны
Кенгуру мы,
Песнь о забеге, который был неповторим:
Начат он был богом Нконгом из Вариггарумы,
Первым бежал Кенгуру, ну а желтая Динго –
за ним.

Быстро скакал Кенгуру, его ноги, как поршни,
ходили,
В 25 футов прыжок – и этак с утра до темна.
Желтая Динго вдали клубилась, как облачко
пыли.

Где уж там лаять! Вперед мчались и он, и она.

В те времена Континент возлежал безымянным
массивом.
Как проследить их маршрут, если гнались они
наугад
От параллели десятой над Торессовым
проливом –
Глянь-ка на карту! – до Бассова и возвратились
назад?
Если от Аделаиды до Северного побережья
(это лишь пол их пути!) к вечеру ты добежишь,
то, без сомненья, вспотеешь, но станешь
сильнее, чем прежде,
мой надоедливый с ы н , – ты станешь чудесный
малыш!

Заповедь

Владей собой среди толпы смятенной,
Тебя клянущей за смятенье всех,
Верь сам в себя, наперекор вселенной,
И маловерным отпусти их грех;

Пусть час не пробил – жди, не уставая,
Пусть лгут лжецы – не снисходи до них;
Умей прощать и не кажись, прощая,
Великодушной и мудрей других.

Умей мечтать, не став рабом мечтанья,
И мыслить, мысли не обожествив;
Равно встречай успех и поруганье,
Не забывая, что их голос лжив;
Останься тих, когда твое же слово
Калечит плут, чтоб уловлять глупцов,
Когда вся жизнь разрушена и снова
Ты должен все воссоздавать с основ.

Умей поставить, в радостной надежде,
На карту все, что накопил с трудом,
Все проиграть и нищим стать, как прежде,
И никогда не пожалеть о том,
Умей принудить сердце, нервы, тело
Тебе служить, когда в твоей груди
Уже давно все пусто, все сторело
И только Воля говорит: «Иди!»

Останься прост, беседуя с царями,
Останься честен, говоря с толпой;

Будь прям и тверд с врагами и с друзьями,
Пусть все, в свой час, считаются с тобой;
Наполни смыслом каждое мгновенье,
Часов и дней неумолимый бег, –
Тогда весь мир ты примешь во владенье,
Тогда, мой сын, ты будешь Человек!

Колдовская осада

Мне было немало забот дано –
Справлялся и гнал со двора!
Играл в борьбу и тешил судьбу,
Но это – другая игра.
Не буду сражаться с незримым мечом,
Со стрелами, чьи укусы просты –
Отдай ключи для встречи в ночи –
Мечтателю, чьи реальны мечты!

Спроси про условия и их прими.
Мгновенно, а то мы рассердим его!
Я прежде в июль не страшился пуль,
Но это – другое занятие, ого.

Меня не пугает ни ангел, ни черт
(Я знаю: хозяин глядит с высоты!)
Открой же врата, войдет он туда,
Мечтатель, чьи реальны мечты!

Сейчас императору не уступлю,
Король для меня что обычный вор –
И папской тиаре не сдамся в угаре –
Но это – другой разговор.
Не буду сражаться с исчадьями тьмы,
Часовой, пропусти его сквозь мосты!
Ты пойми в этот час, он Властитель всех нас,
Мечтатель, чьи реальны мечты!

Из Горация

(«Оды», кн. V, 3)

Один мудрец вещать готов
Об ароматных равновесьях:
Какой букет каких цветов
Теряет в смесях.

Другой мясистый ест бульон,
Венеру разлучив с любовью:
Здоровье поправляет он,
Вредя здоровью.

А третий вертит день за днем
Тщеславья жернов, сердце грея:
Умчать подальше бы на нем,
Да побыстрее.

Лишь я не тороплю коня,
Дабы, бескрылый иль крылатый,
В Брундизий он увез меня,
Прельстившись платой.

Огонь совсем других речей
Мне Пиндаром завещан славным,
К закату дня он горячей,
Когда о главном

У очага, разнежен, слаб,
Я погружаюсь в размышленья,
И мой дворецкий (друг, но раб)
Несет поленья.

Последняя ода

27 нояб. 8 г. до Р. Х.
(Гораций «Оды», кн. V, 31)

Уснула под бантийским дубом стража,
А шепот ветерка
Уже крадется, душу будоража:
Заря недалека!
Так перемену скорую Вергилий
Предсказывал, приблизившись к могиле.
«Все сущее иным готово стать,
И сам Олимп священный.
Так неизбежен день, но, дню под стать,
Помедлят перемены.
В конце концов для мертвых и живых
Взойдет звезда и душам обновиться
Любовь поможет в ризах гробовых...» —
Заслушавшись провидца,
Иду по Эсквилинскому холму
Я к Меценату. Знаем ли мы сами,
О мой Вергилий, кто развеет тьму?
Под чьими небесами?

Тайна машин

В котлованах нас и шахтах добывали,
С коксом, с флюсами переплавляли в сталь,
Формовали, отливали и ковали,
На станке точили каждую деталь.
Дай свободы нам всего на долю дюйма
И немного угля, смазки и воды,
От работы нашей пользы будет уйма,
И не требуем мы платы за труды.

Мы всеильны: мы печатаем и пишем,
Мы приносим свет, и воду, и тепло,
Мы читаем и считаем, видим, слышим,
Ни летать, ни плавать нам не тяжело.

Ты решил поговорить с далеким другом,
Что живет за океанской синевой, —
Дай нам адрес — и твой друг к твоим услугам:
Затрещит за облаками голос твой.
Ты в ответ узнал, что другу нужен срочно, —
Винтовыми лопастями овладей! —

Загрохочут в поршнях, выкованных прочно,
Сразу восемьдесят тысяч лошадей!

Набегающим прибоем сердце радуй! –
«Мавритания» на рейде ждет тебя –
Поплывет девятипалубной громадой
Целый город, пеня воду и трубя!

Хочешь, снимут шляпу горные вершины?
Хочешь, лес мы привезем к ногам твоим?
Хочешь, хлеб в песках начнут растить машины?
Хочешь, реками пустыню напоим?
Хочешь, влагу из цистерн возьмем ледовых
И по трубам вниз направим в города?
Чтобы в шлангах ожила она садовых
И трамвайные питала провода!

Это просто! Дай взрывчатку нам и буры!
От удара вздрогнет горный исполин,
Заблестит озерной гладью панцирь
бурый
Загороженных плотинами долин.

Помни только, обуздать нас будет нечем:
Не умеем мы жалеть, прощать, любить.
Перепутаешь команду – искалечим,

Подведешь – не поколеблемся убить!
Осторожней трогай стержни, оси, зубья, –
Мы могущественней наций и держав!
Боги нашего боятся властолюбья,
Мир людей от перемен не удержав.

Мы сильны, но только если ты
позволишь:
Трубы фабрик отдымят и сгинет тьма,
Будут звезды вновь светить – ведь мы
всего лишь
Порожденья человеческого ума!

Месопотамия

Не вернуться к нам герои, не воскреснет ни
один, –

Мы оставили их гнить в могильной тьме, –
Но позволим ли дожить мы до признанья
и седин

Тем, кто дал им сдохнуть в собственном
дерьме?

Никогда к нам не вернутся дорогие сыновья, —
Мы их бросили на произвол судьбы! —
Но, скажите, неужели отрешиться от вранья
И призвать убийц к ответу мы слабы?

Наши мертвые не выйдут к нам на утренней
заре,
На закате не отдаст их темнота,
Но штабные эти крысы в тыловой своей норе
Как и прежде будут грызться за места?

Неужели мы впустую запоздалый тратим гнев,
Чтобы только погрозить, похныкать всласть?
А тем временем без шума, пожаднев и поумнев,
Приберут они к рукам былую власть?

Дайте срок, и мы поверим в их притворный
стра и л е с т ь, —
Мы-то знаем, нас нетрудно провести! —
Пусть ловчат, пусть интригуют, чтоб опять
наверх пролезть
И карьере обреченную спасти!

Нет, не требуем мы казни министерским
болтунам —
Кровью всей не смыть им нашего стыда,

Но апломб чиновный стольких юных жизней
стоил нам,
    Что пора бы с ним покончить навсегда!

Небокоптитель

С первых дней, как ступил он на школьный
порог,

    Новичку, браня и грозя,
Велят поскорей заучить, как урок,
    То, Чего Делать Нельзя.

Год за годом, с шести и до двадцати,
    Надзирая любой его шаг,

Педагоги твердят, чтоб он вызубрил ряд
    Вещей, Невозможных Никак.

(Средний пикт подобных запретов не знал,
    Да, наверно, и знать не желал.)

Для того-то – отнюдь не для пользы своей

    Или даже пользы чужой –

Он томится от невыразимых вещей

Телом, умом и душой,
Хоть бы пикнул! Так нет же, — доучившись
в колледже,

Он пускается в свет, увозя
Высшее образование — доскональное знание

Того, Чего Делать Нельзя.
(Средний пикт был бы весьма удивлен,
Услыхав про такой закон).

По натуре — лентяй, по привычкам — старик,
Лишь к брюзжанию всегда готов,

Человека оценивать он привык
По расцветке его носков.

Что же странного в том, что он мыслит с трудом

И всему непривычному — враг,
Если он абсолютно осведомлен

О Вещах, Невозможных Никак?
(Средний пикт потому-то ему и дает
Сотню очков вперед.)

Очаги

Мужчины разожгут очаг,
У каждого он – свой;
Четыре Ветра дым в очах
Мне принесут с собой.

Через моря, сквозь цепь камней,
По небу в гроздьях гроз
Четыре Ветра дым ко мне
Несут до крупных слез.

Пока не будет крупных слез,
Пока чуть не инфаркт
От давних дум, от старых грёз,
В дыму обретших фрахт.

И с ветра каждою волной
Тоски сильней напор,
Из каждой четверти людской,
Где дом мой с давних пор.

Четырехкратно брошен вдаль,
Огонь и дождь отбит –

Четырехкратная печаль
И радость вновь летит.
Как мне решить, какой главней
Из очагов, где храм?
Я слишком часто у огней
Гостил то здесь, то там.
Как я могу презреть любой
Из них или предать?
Ведь каждый чем-то все же мой
И мне помог мной стать!
Как сомневаться мне сейчас
В веселье и тоске,
Когда весь мир вновь без прикрас
Висит на волоске.
Четыре Ветра, как ни шли
Вблизи вы или вдали,
Лишь эту песню б отнесли
Всем людям всей земли!
Где есть очаг и где верны
Простому слову « д о м », –
Где песни учетверены
Любовью и добром.

* * *

На далекой Амазонке
Не бывал я никогда.
Только «Дон» и «Магдалина» —
Быстроходные суда —
Только «Дон» и «Магдалина»
Ходят по морю туда.

Из Ливерпульской гавани
Всегда по четвергам
Суда уходят в плаванье
К далеким берегам.

Плывут они в Бразилию,
Бразилию,
Бразилию,
И я хочу в Бразилию —
К далеким берегам!

Никогда вы не найдете
В наших северных лесах
Длиннохвостых ягуаров,
Броненосных черепах.

Но в солнечной Бразилии,
Бразилии моей,

Такое изобилие
Невиданных зверей!

Увижу ли Бразилию,
Бразилию,
Бразилию,
Увижу ли Бразилию
До старости моей?

Штормовой сигнал

1932

Полночь – пусть звезды не вводят в о б м а н , –
Рассвет далеко, и грозит ураган.
Была нам обещана встряска давно –
Но нету охоты исследовать дно.

Будь наготове! Затишье как раз
Подскажет, что шторм не помилует нас.
И легче сейчас не сносить головы,
Чем думать, что завтра мы будем мертвы.

Пускай мы скалу обойдем, и тогда
Не верьте, что нас миновала беда.
Лишь трусы легко закрывают глаза
На то, что в округе лютует гроза.

Приказано, чтоб мы держались вдаль
От проклятой Богом и чертом земли;
И волнам безжалостным дали отпор,
Чтоб с ветром и временем выиграть спор.

Ревет и швыряет. Но слышно в ночи,
Как сердце могучего судна стучит.
И палуба крутится, словно волчок,
И жизнью нас радует каждый толчок!

Мы движемся, хоть и потеряна цель;
Мы верим, а значит, не сядем на мель;
В открытое море нас гонит закон,
Пока не пробьемся – никто не спасён!

Содержание

- А. Зверев. Против течения **5**
Вступление к «Песенкам о службе». *Перевод В. Топорова* **54**
Общий итог. *Перевод К. Симонова* **55**
Галерный раб. *Перевод М. Фромана* **56**
L'envoi. *Перевод В. Топорова* **58**
Изгон. *Перевод В. Топорова* **59**
* Посвящение к «Казарменным балладам». *Перевод Р. Дубровкина* **63**
* Секстина Великого бродяги. *Перевод А. Шаратовой* **66**
* Сион. *Перевод А. Шаратовой* **68**
* Жена Моря. *Перевод А. Шаратовой* **69**
Гефсиманский сад. *Перевод В. Топорова* **72**
* Песнь Банджо. *Перевод В. Лукина* **73**
* Море и горы. *Перевод Р. Дубровкина* **79**
* Молитва Макэндрию. *Перевод В. Топорова* **81**
«Мэри Глостер». *Перевод А. Оношкевич-Яцыны и Т. Фиша* **94**
Баллада о «Боливаре». *Перевод А. Ибрагимова* **110**
* Путем Скитальцев. *Перевод Р. Дубровкина* **114**
* Шпионский марш. *Перевод А. Шаратовой* **118**
* Второе плаванье. *Перевод А. Шаратовой* **122**
* Песнь англичан. *Перевод Н. Голя* **125**
За цыганской звездой. *Перевод Т. Крузикова* **127**
Прибрежные огни. *Перевод Н. Голя* **130**
Песнь мертвых. *Перевод Н. Голя* **132**
Подводный телеграф. *Перевод Н. Голя* **136**
Песнь сыновей. *Перевод Н. Голя* **137**

- Песнь городов. *Перевод Н. Голя* **138**
Ответ Англии. *Перевод Н. Голя* **143**
Южная Африка. *Перевод Е. Витковского* **145**
Сассекс. *Перевод В. Потаповой* **148**
«Когда уже ни капли краски...» *Перевод В. Топорова*
152
Дурак. *Перевод К. Симонова* **154**
* Сухопутная почта. *Перевод В. Лунина* **158**
* Обрученный. *Перевод В. Лунина* **162**
Томлинсон. *Перевод А. Эттеля* **164**
Баллада о Востоке и Западе. *Перевод В. Потаповой* **175**
Генерал Жубер. *Перевод А. Оношкевич-Яцыны* **184**
* Дамбы. *Перевод Р. Дубровкина* **185**
Гены. *Перевод К. Симонова* **189**
* Старики. *Перевод Р. Дубровкина* **190**
Время белого человека. *Перевод А. Сергеева* **193**
Гимн перед битвой. *Перевод А. Оношкевич-Яцыны* **198**
* Загадка ремесел. *Перевод Р. Дубровкина* **200**
* Воин каменного века. *Перевод Р. Дубровкина* **204**
Дар моря. *Перевод А. Эттеля* **207**
* Марфины сыны. *Перевод В. Топорова* **204**
Эпитафии. *Перевод К. Симонова* **213**
Денни Дивер. *Перевод И. Грингольца* **216**
Фуззи-Вуззи. *Перевод И. Грингольца* **219**
* Ганга Дин. *Перевод А. Шарпаповой* **222**
Вдова из Виндзора. *Перевод А. Щербакова* **226**
Праздник у Вдовы. *Перевод А. Щербакова* **228**
Мандалей. *Перевод Е. Полонской* **230**
Новобранцы. *Перевод К. Симонова* **234**
Брод через Кабул. *Перевод Е. Сендыка* **239**
* Джентльмен в солдатах. *Перевод Р. Дубровника* **241**
Солдат и матрос заодно. *Перевод А. Щербакова* **244**

- Холерный лагерь. *Перевод А. Сендыка* **248**
- * Дамы. *Перевод В. Топорова* **252**
  - * Жалко женщин, Мери! *Перевод А. Шариповой* **255**
  - * За все, что есть у нас... *Перевод В. Топорова* **258**
  - * Долгий путь. *Перевод А. Шариповой* **258**
- Пыль. *Перевод А. Оношкевич-Яцылы* **265**
- * И дары приносящих. *Перевод В. Топорова* **267**
  - * За шиллингом в сутки. *Перевод В. Топорова* **270**
  - * Благодетели. *Перевод В. Топорова* **272**
  - * Возвращение. *Перевод А. Шариповой* **275**
  - * Полубаллада о Ватерфале. *Перевод Р. Дубровкина* **278**
- Добровольно «пропавший без вести». *Перевод К. Симонова* **280**
- * Времени очи безгневны... *Перевод Р. Дубровкина* **282**
  - * Зов. *Перевод В. Широкова* **283**
  - * Дорога через лес. *Перевод В. Широкова* **285**
  - * Заклинание. *Перевод Р. Дубровкина* **286**
  - * Детская песня. *Перевод В. Широкова* **288**
  - * Молитва Джобсона. *Перевод Н. Голя* **290**
  - * Тесаный камень. *Перевод Р. Дубровкина* **293**
- Non nobis, Domine. *Перевод Г. Кружкова* **295**
- * Арфы датских женщин. *Перевод Р. Дубровкина* **296**
  - * В Хадрамауте. *Перевод Р. Дубровкина* **298**
- Дорожная песнь бандар-логов. *Перевод В. Лушина* **299**
- * Песня римского центуриона. *Перевод В. Топорова* **303**
  - * Песнь пиктов. *Перевод В. Топорова* **306**
- Закон джунглей. *Перевод Арк. Штейнберга* **308**
- * Первопроходец. *Перевод Р. Дубровкина* **312**
- «Шарипа Балкис! Другой такой...» *Перевод Н. Голя* **313**
- * Песнь старика Кенгуру. *Перевод Н. Голя* **314**
- Заповедь. *Перевод М. Лозинского* **315**
- * Колдовская осада. *Перевод В. Широкова* **317**

- * Из Горация. *Перевод Р. Дубровкина* **318**
- * Последняя ода. *Перевод Р. Дубровкина* **320**
- * Тайна машин. *Перевод Р. Дубровкина* **321**
- * Месопотамия. *Перевод Р. Дубровкина* **323**
- Небокопитель. *Перевод Г. Кружкова* **325**
- * Очаги. *Перевод В. Широкова* **326**
- «На далекой Амазонке...» *Перевод С. Маршака* **329**
- * Штормовой сигнал. *Перевод В. Широкова* **330**

Редьярд Киплинг
СТИХОТВОРЕНИЯ

Редактор

В. А. Шифоков

Художественный редактор

Н. Д. Карандашов

Технический редактор

Е. И. Полякова

Корректор

Л. В. Петрова

ИБ 1901

Сдано в набор 12.02.90. Подписано в печать 02.07.90. Формат 70х90/64. Бум. мелованная 115 г. Гарнитура «Баскервиль». Печать офсетная. Усл. печ. л. 6,14. Усл. кр.-отт. 23,98. Уч.-изд. л. 7,90. Тираж 7000 экз. Изд.

№ 4844. Заказ № 73. Цена 8 р.

Издательство «Книга», 125047, Москва, ул. Горького, 50. Фотонабор выполнен ордена Октябрьской Революции и ордена Трудового Красного Знамени МПО «Первая Образцовая типография» Госкомпечати СССР.

113054, Москва, ул. Валовая, 28.

Отпечатано в московской типографии № 5
Госкомпечати СССР. 129243, Москва,
ул. Мало-Московская, 21.

